

ОНА ОДЕРЖИМА
КОМПЛЕКСОМ
СПАСИТЕЛЬНИЦЫ.
НО КТО СПАСЕТ
ЕЕ САМУ?..

ОБЪЕМАН

РОМАН

А.Ф. БРЭДИ

Мировая сенсация

А. Ф. Брэди

Обман

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.(94)
ББК 83.3(8)

Брэди А. Ф.

Обман / А. Ф. Брэди — «Центрполиграф», 2017 — (Мировая сенсация)

ISBN 978-5-227-08008-0

Долгие годы Сэм Джеймс тщательно работала над образом лучезарной, никогда не унывающей девушки, у которой все всегда прекрасно, и репутацией лучшего специалиста в психиатрической больнице на Манхэттене, чудо-психолога, способного творить чудеса. Однако и у нее есть темная сторона. Сэм верит – если она не может спасти саму себя, то должна спасти других, и этот комплекс спасительницы, который так хорошо помогает Сэм лечить пациентов, в личной жизни приносит ей только боль и разочарование. Но с появлением в больнице нового таинственного пациента, Ричарда, все постепенно меняется. У Сэм появляется шанс переосмыслить свое существование и изменить судьбу.

УДК 821.(94)

ББК 83.3(8)

ISBN 978-5-227-08008-0

© Брэди А. Ф., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

А. Ф. Брэди

Обман

Посвящается непонятым

– Видишь ли, этого все равно не избе жать, – сказал Кот, – ведь мы тут все ненормальные. Я ненормальный. Ты ненормальная.

– А почему вы знаете, что я ненормальная? – спросила Алиса.

– Потому что ты тут, – просто сказал Кот. – Иначе бы ты сюда не попала.

Льюис Кэрролл. «Алиса в Стране чудес»

A. F. Brady
The Blind

Copyright © 2017 by A. F. Brady

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Часть первая

18 октября, 9:40

Я стою на коленях на полу в своем кабинете, выпускаю лишний воздух из мешка с мусором и завязываю его. Ребята из отдела обслуживания всегда оставляют мне пустые мешки под корзиной для бумаг, чтобы я могла сменить полный на чистый и бросить использованный в мусорный бак. Я думаю, так легче всего скрыть запах алкоголя, когда меня рвет прямо в корзину. Мне хочется верить, что я хорошо переношу алкоголь и что меня никогда не тошнит, но, по правде говоря, все чаще и чаще «утром после» я осознаю, что снова стою на коленях в кабинете, согнувшись над корзиной, и меня опять выворачивает наизнанку.

Меня зовут Сэм. Я психолог, работаю в психиатрической больнице. Она совсем не похожа на те заведения, что вы, должно быть, видели в «Человеке дождя» или «Прерванной жизни». Расположена больница на Манхэттене, и здесь нет просторных лужаек и аккуратно подстриженных зеленых изгородей. Равно как и широких коридоров и дверей высотой одиннадцать футов, как в фильме «Пролетая над гнездом кукушки». Пахнет тут смесью антисептика и жевательной резинки – потому что антисептик сдабривают ароматом жевательной резинки. Освещают помещение люминесцентные лампы, а туалеты вечно не работают. Лифт размером с ангар для самолетов, и он всегда переполнен. Я работаю здесь шесть лет, и ни разу мне не довелось оказаться в лифте одной. Кто-то каждый день нажимает на кнопку экстренного вызова.

Панели на потолке в отделении украшают пятна и разводы от протечек в углах. Все двери выкрашены в серый цвет, и в них овальные стеклянные окошки, забранные металлической сеткой. Все, кроме дверей кабинетов, – они бледно-желтые, и никаких окон в них нет. Зато есть таблички с надписями типа «Ланч», «Идет сеанс» или «Не беспокоить». Таблички приходится часто менять, потому что пациенты пишут на них всякие гадости.

Как толькоходишь сюда, возникает ощущение, что мир вдруг как-то уменьшился. Звуки с улицы за эти стены не проникают, и, хотя я знаю, что нахожусь в самом шумном городе на земле, здесь этого совсем не слышно. На солнечную сторону выходят окна только одной общей комнаты, и там же стоят все растения, но они всегда покрыты слоем пыли, и никто не любит туда заходить.

У нас множество самых разных пациентов – всего сто шесть. Самому младшему из них шестнадцать, а самому старшему – девяносто три. Самому-самому старому было девяносто пять, но он умер несколько месяцев назад. В одном крыле живут мужчины, в другом – женщины, и почти у каждого есть сосед. Если пациент склонен к буйству или что-то в этом роде, его помещают в одиночную палату. И как только они это понимают, становятся по-настоящему буйными. Для них почему-то не доходит, что одиночная палата – это на самом деле обычная двухместная, но разделенная пополам перегородкой. При этом один из обитателей палаты теряет окно. Наше заведение называется психиатрический центр «Туфлос»¹, и я никогда не спрашивала почему.

Все это звучит как-то жульнически, глупо, а иногда даже и комично, но я чувствую, что и я, и все они не отличаемся друг от друга. Предполагается, что врачи должны вселять в больных надежду. Что мы обязаны применять все наши способности, и терпение, и с таким трудом заработанные знания и научные степени, чтобы улучшить их состояние. Мы гордимся своим незамутненным рассудком и не тронутой болезнью душой. Мы воображаем себя пастухами,

¹ От греческого слова τυφλός, в библейском значении «слепой», «слепой разумом». (Здесь и далее примеч. пер.)

призванными заботиться о стаде. Нам говорят, что это почетная и достойная высочайшего уважения работа и что мы приносим неоценимое благо обществу. Но все это просто куча дерьма. Между нами и ими нет разницы. Нет линии на песке, где мы по одну сторону, а они по другую. Нет каньонов, разделяющих нас. Разве что крохотная трещинка. У меня есть кабинет и ключ от него, а у них нет. Я пришла сюда, чтобы спасти их; они не могут спасти меня. Но иногда границы размываются. Говорят, «если не можешь делать сам, учи других». Что ж, если ты не можешь спасти себя, спаси кого-то еще.

19 октября, 11:12

С этой недели у нас появится новый пациент. Никто не хочет с ним работать. Его история болезни практически пуста, но сплетни, расползающиеся среди персонала, прекрасно заполняют все пробелы ужасающими байками и несусветными глупостями. (*Он убил своего последнего психолога; он отказывается заполнять анкеты и сотрудничать, он не пациент, а кошмар.*) Даже мне не хочется с ним работать, а я, как правило, беру себе тех, от которых отказываются другие. Никто не знает, что он за человек на самом деле, что из всего этого правда, а что просто идиотские сплетни. В его деле действительно ничего не понятно. Вся информация, что там содержится, основывается на внешнем описании и материалах, поступивших извне. Он отсидел срок в тюрьме; эти сведения сомнению не подлежат. Целых двадцать с чем-то лет, хотя за что, в документах почему-то не написано. Затем, после тюрьмы, он побывал в нескольких реабилитационных центрах. А теперь ему назначили лечение здесь, в качестве одного из требований условно-досрочного освобождения.

Мы считаем свою власть над пациентами чем-то само собой разумеющимся, хотя зиждется она, по сути, лишь на том, что они не осознают, что способны сопротивляться. И вот теперь явится этот парень и начнет мутить воду. Мне кажется, по-своему я его уважаю. Я прилегла вздремнуть в кабинете, надеясь, что что-нибудь изменится, и думается, он как раз сможет это сделать.

19 октября, 13:15

– О'кей, скажите мне, что означает «наследственный»?

У меня сеанс групповой терапии. Это психопедагогическая группа, и предполагается, что я должна помочь пациентам понять свои диагнозы. Психиатры так часто говорят человеку, что он страдает тем-то или тем-то, и никогда не объясняют обыкновенным человеческим языком, что это значит.

– Это означает, что такая болезнь есть в твоей семье, правильно? – Это Ташондра. У нее было одиннадцать детей. И каждого из них государство поместило под свою опеку. Она понятия не имеет, где ее дети, и двое из них вроде бы даже умерли, но она не уверена. Такова ее реальность.

– Именно так. Это означает, что в болезни виновата генетика. Так какие психические заболевания имеют генетическую основу? – Я пристраиваюсь на краю стола, где обычно сижу.

– Рак. У моей мамы был рак груди, и я тоже должна проверяться, потому что у нее он был, но у меня его нет. – Это Люси.

– Правильно. Рак во многом зависит от генов, так что действительно, если кто-то из вашей семьи был болен раком, вам также необходимо регулярно проходить осмотр у врача. Это очень важно. Но как насчет психических расстройств? Как насчет тех заболеваний, которые мы здесь лечим?

– Да все, так ведь? Я знаю, что если твои родители или брат – наркоманы, ты, возможно, тоже станешь наркоманом. А здесь людей лечат и от этого тоже. Вы лечите наркоманов. А еще иногда, если у кого-то в семье депрессия, у тебя тоже может быть депрессия. – Это Ташондра.

– Прямо в точку, – говорю я и поднимаю палец. – Депрессия может быть обусловлена генетически, так же как и шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и многие другие расстройства, которые мы здесь лечим.

– Значит, дело х..., а? Если твоя мама – шизофреничка, то это перейдет и к тебе, и ты ничего не сможешь с этим поделать, а? Ты рождаешься чокнутым, так? Как в этой песне, «Рожден, чтобы стать плохим»? Рожден, чтобы стать сумасшедшим. – Это Тайлер. У Тайлера шизофрения. Ему двадцать два, но он очень умен и развит для своих лет. Кажется, он лучше понимает этот мир, чем многие из нас – нам почему-то это не дается. Он смирился с иными вещами, с которыми мы пытаемся бороться. Тайлер сумел простить.

– Ну, не обязательно. И следи за своим языком. Если у тебя есть генетическая предрасположенность, что означает – у кого-то из твоей семьи такая болезнь, ты можешь ее унаследовать, а можешь и нет. Это зависит от того, что происходит в твоей жизни. От того, складывается ли она так, что помогает тебе оставаться здоровым, или с тобой случается нечто такое, что способно заставить тебя заболеть. – Мои каблуки болтаются в воздухе.

– А что может заставить тебя заболеть? Типа, наркотики и всякая фигня вроде этого? – Это Тайлер. – Я знаю, что мой брат баловался наркотой в школе со своим другом, а потом он чокнулся. Его, конечно, закрыли, но, черт побери, он реально был сумасшедшим. Он никогда себя так не вел до того, как стал принимать эту наркоту.

– Наркотики – да, конечно. На самом деле это одна из самых главных причин, – объясняю я и киваю. Мои глаза блестят. – А также насилие, отсутствие одного из родителей или бедность, когда тебе не хватает еды или ты лишен возможности ходить в школу. Все это как бы ударяет по тебе. Так что если у тебя есть ген, отвечающий за депрессию или шизофрению, и ты вдобавок получаешь от жизни вот такие удары, то дело может кончиться болезнью.

– Типа как три страйка – и ты выбываешь. – Тайлер. Мы с ним часто говорим о бейсболе, когда встречаемся в коридорах. И я боюсь наткнуться на него однажды на стадионе «Янки стэдиум».

20 октября, 19:44

Уже пора собираться домой, и мне в голову начинают лезть мысли, которых я избегала весь день. У меня нет с собой ни спиртного, ни сигарет – это могло бы помочь мне думать, но все равно. Я медленно заглядываю в бездну.

Я знаю, что, когда окажусь дома и буду одна, с молчащим телефоном, они все равно придут, так что, в общем, можно начать уже и сейчас. Возможно, так мне станет чуть легче. Возможно, я не буду так душераздирающе рыдать дома. Единственно, мне, конечно, придется сидеть в метро в солнечных очках, потому что мое несчастное, тоскливое лицо точно распухнет, а на глаза то и дело будут набегать слезы. Как-то так вышло, что они появляются каждый день, каждый раз, как только я открываю дверь своей квартиры. В ту же секунду.

Так было не всегда. Когда-то все в жизни имело смысл. Тогда я понимала, что делаю, что происходит, а не просто автоматически день за днем совершала одни и те же действия.

Метро не работает. На линии А/С возгорание, и я вынуждена выйти за сто кварталов от моего дома. По непонятной причине я решаю пойти пешком. Обычно при ходьбе я думаю – есть у меня такая склонность – и это, наверное, все же не очень хорошее решение, потому что у меня нет при себе налички, и я не могу забежать по пути в какой-нибудь бар и выпить. Это помогло бы не думать.

Снаружи холодно. Настолько, что болят колени и немеют губы, так что трудно говорить. Глаза слезятся, но я не плачу. Я курю одну сигарету за одной, и перчаток у меня нет, поэтому приходится часто менять руки.

Несмотря на холод, на улице встречаются целые семьи. Я заметила их, еще когда вышла из вагона. По другой стороне улицы мамочка толкает перед собой коляску с ребенком, и мы идем параллельно друг другу уже несколько кварталов. Она похожа на меня. Ну, то есть она похожа на мою маму, а мне кажется, я вылитая мать. Мы с ней блондинки, и я думаю, что у той женщины тоже голубые глаза, как и у нас, но, конечно, она слишком далеко, и разглядеть я не могу. И она маленькая, совсем как мама. Я гораздо выше их обеих. Я всегда думала, что мой отец, должно быть, был здоровенным парнем. И теперь застреваю на этом и начинаю думать о своей семье, упорно направляясь на юг в суровом, жестоком городе.

Нас было только двое – я и мама. Я выросла без отца. Где-то он есть, конечно, но я понятия не имею где. Я никогда его не видела, но в принципе мне было совершенно все равно, потому что мама более чем успешно справлялась и без него. Иногда она пела ему хвалебные гимны: «Твой отец – прекрасный человек». А иногда ведрами лила на голову дерьмо: «Он просто сраный ирландский ублюдок, который меня не заслуживает». Интересно, эта малышка в коляске знает своего отца?

Меня зовут Саманта, потому что маму зовут Саманта. Наверное, по этой причине я предпочитаю обходиться коротким Сэм. Наша фамилия Джеймс. Так что у меня два имени. Я всегда говорю; никогда не доверяйте человеку, у которого два имени.

Теперь я уже могу видеть свою квартиру. Она единственная на этаже с темными окнами. Располагается мое жилище в старом доме из известняка в середине квартала. Лифта там нет. Я живу в Нью-Йорке несколько лет, здесь я заканчивала школу, и уже успела помотаться по разным квартирам – студиям и крохотным норкам с одной спальней в Бруклине и на Манхэттене. В этой квартире три шкафа – вещь практически неслыханная, и имеется ванна. А еще у меня есть кофейный столик и письменный стол, и квартира вполне могла бы сойти за жилье взрослого человека, если бы я только покупала еду и клала ее в холодильник. Мой диван коричневый, а наволочки на подушках разные, я меняю их в соответствии с временем года. Сейчас они темно-синие. Ковер большей частью выгорел, потому что окна выходят на юг и летнее солнце заливает комнаты до самого вечера. Раньше мне нравились его цвета, но теперь он напоминает мне коврик в спальне маленькой девочки. Кухня моя безупречно чистая, а над раковиной окно, так что, когда я мою бокалы для вина, могу поглазеть, что делают соседи. Радиатор шумит, но это меня успокаивает, потому что, если бы не он, здесь было бы тихо, как в могиле. Я никогда не включаю телевизор, потому что он заставляет чувствовать себя мелкой и незначительной.

Замок в парадной двери пошаливает. Такое ощущение, что он всегда заедает именно в тот момент, когда налетает особенно злой порыв ледяного ветра, и у меня начинают болеть уши. Полы в вестибюле выложены темно-зеленой плиткой, которая вечно выглядит пыльной, и я боюсь в один прекрасный день поскользнуться и расколоть себе черепушку. Ступени широкие и закругленные; стиль давно забытой нью-йоркской эры. Я поднимаюсь по ним и на ходу сдираю с себя пальто.

Я открываю бутылку вина, которую купила вчера вечером в магазине, где продают спиртное, на другой стороне улицы. Когда дело доходит до выпивки, я всегда стараюсь, чтобы это выглядело изящно и по-взрослому. Выпиваю я каждый вечер, но это ничего, потому что пью дорогое вино из дорогих бокалов и никогда не забываю вымыть их перед тем, как отправиться спать. И еще я всегда мою пепельницы, потому что даже мне кажется, что это ужасно – старые вонючие окурки по всему дому. Несколько раз я бросала курить, но потом бросила бросать, потому что возникли проблемы посерьезнее. Отчаяние заставляет держаться за странные вещи.

21 октября, 8:55

Я пью пережженный, какой-то едкий кофе в лаунже и жду, когда наш босс, Рэйчел, начнет совещание для персонала. У меня неухоженные, грязные ногти; лак почти совсем облез. Я поднимаю голову и ловлю на себе пристальный взгляд своего коллеги Гэри. Встретившись со мной глазами, он тут же отводит их, но снова быстро поворачивается в мою сторону.

– Что такое? – спрашиваю я.

Он потирает висок тыльной стороной левой руки и показывает на меня подбородком.

– Что?

Гэри повторяет жест.

Я ставлю на стол чашку с кофе, кладу свою красную ручку и оттираю щеки и виски. Потом рассматриваю руки. На левом мизинце – уже засохший сгусток тонального крема вместе с крошечными колючими крошками корочки от ранки.

Рэйчел открывает собрание:

– Доброе утро, команда. Рада видеть вас всех сегодня с горящими от энтузиазма глазами и бодро поднятыми хвостами.

Приглушенный смех и саркастическое фырканье.

– Я знаю, что всем нам сейчас нелегко и мы ошарашены объемом свалившейся на нас работы, со всеми этими только что поступившими пациентами, но, как вам известно, есть времена года и циклы, которые влияют на психическое здоровье, а зима уже почти пришла, хотя пока еще только октябрь... – она грозит окну кулаком, – и дни становятся короче и холоднее, обостряется депрессия, синдром сезонного аффективного расстройства, ощущение безнадежности и тому подобные вещи. В общем, все это вы знаете и без меня. И после этих слов хочу напомнить вам, что у нас новый пациент и мы начинаем лечение со следующей недели.

Все нервно переглядываются, поправляют одежду, старательно смотрят в блокноты, как будто хотят раствориться в пространстве.

– Я слышала много разговоров на эту тему. И понимаю, что размышлять и обсуждать – это естественно, однако очень трудно сохранить профессионализм, подразумевающий положительное отношение в пациенту несмотря ни на что, отсутствие предубежденности и открытость, когда по коридорам ползают подобные слухи. И опять же, вы все знаете, о чем я говорю. – Она обводит нас свирепым взглядом, как будто ожидала от нас большего, а мы ее подвели.

– Что ж, в таком случае не могли бы вы рассказать нам немного больше об этом парне? – Гэри.

– У меня о нем столько же информации, сколько и у вас, так что здесь мы в одной лодке, так сказать. Но я призываю вас отбросить все домыслы, все, что вы успели себе навообразить, и сосредоточиться на тех немногих сведениях, которыми мы действительно обладаем. Он прибывает сюда, чтобы лечиться, чтобы ему помогли, а ваша работа – обеспечить ему это лечение и помощь и не делать из человека монстра.

– Послушайте, я всецело за положительное отношение и отсутствие предубежденности, но разве не важно обеспечить безопасность персонала? – Это снова Гэри. – Я имею в виду... я слышал, что его история болезни не заполнена потому, что он напал на своего предыдущего психолога. А еще слышал, что он не желает отвечать на базовые вопросы и обсуждать свою историю, а если настаивать, то взрывается, как ракета. Я хочу сказать, у него криминальное прошлое, а мне как-то не очень комфортно лечить пациента, про которого известно, что он напал на своего доктора.

– Мы так не работаем. Мы не отказываемся от проблемных пациентов. – Рэйчел опускает голову и листает историю болезни. – И здесь нет ничего о том, что ранее он вел себя агрессивно по отношению к персоналу.

– Это потому, что там вообще ничего нет! Его история болезни практически пуста! Там сказано только, что он здоровенный парень, носит шляпу и не разговаривает. И что он полжизни провел в тюрьме. Но почему-то нет ни слова о преступлении, которое он совершил. Как вам такое? Это же безумие! Нельзя принять пациента, отсидевшего срок, без всякой истории, без психосоциального профиля, без диагноза и с пустой историей болезни. Он впорхнет сюда, как бабочка, а мы должны высасывать информацию незнамо откуда.

Гэри преувеличивает. Раньше он был социальным работником в финансовой отрасли. Трудился на фирму, которая занималась корпоративными увольнениями, и помогал людям, потерявшим работу. Он постоянно чувствовал себя гонимым, что приносит дурные вести, и в конце концов это стало невыносимо. Гэри решил заняться чем-то более спокойным и стабильным, уйти от драм, каждый день делать что-то хорошее. Как выяснилось, он прыгнул со скоростной горки прямо в огонь, и теперь все еще недоуменно оглядывается по сторонам и удивляется, как здесь оказался.

– И что, по-твоему, мы должны сделать, Гэри? – Это Дэвид, который обычно не вступает ни в какие дебаты на собраниях.

– Послать его куда-нибудь еще!

– Но это смешно. Мы и есть «куда-то еще». Это его последняя остановка, дальше ехать некуда. Ты бы предпочел, чтобы он шатался по улицам? Без лечения? – говорю я, заодно вытирая пятна кофе со стола.

– Слушай, я просто хочу сказать, что не хочу им заниматься. У меня совсем мало времени, а заполнять по кусочкам целую историю болезни плюс ко всему остальному, что требуется... для парня, который, может быть, пырнет меня ножом и вообще даже не разговаривает?.. Ну уж нет. Простите меня, но нет, большое спасибо. – Гэри складывает руки на груди и, шумно фыркнув, откидывается на спинку стула.

– Тогда зачем ты вообще здесь работаешь? – Ширли немедленно сожалеет о том, что подала голос, и словно пытается вжаться в свой стул. В надежде, что из-за подобного комментария ее не заставят взять нового парня на себя.

Рэйчел вскакивает на ноги и тут же прекращает бессмысленные споры.

– Для всех нас очень важно устраивать нечто вроде форума, где мы будем делиться друг с другом проблемами и мнениями о пациентах и выносить все на открытое обсуждение. И эти наши собрания как раз и есть такого рода форумы. Мы здесь не для того, чтобы препираться. Я хочу, чтобы вы все поговорили со мной и между собой тоже о том, что вы слышали, и высказались, почему именно вы так нервничаете из-за нашего нового пациента Ричарда. Но еще раз предупреждаю вас: слухи, как правило, бывают ни на чем не основаны, и мы должны быть осторожны в своих оценках этого человека.

Гэри сползает ниже и выключается из дискуссии. Джули, наша принцесса – вечно бодрa, вечно в прекрасном настроении, – сообщает, что боится за себя и беспокоится, что она слишком слаба физически и беззащитна, чтобы эффективно заниматься лечением пациента, который будет ее пугать. Прочие члены команды женского пола согласно кивают и негромко переговариваются. Джули исхитрилась сделать так, что теперь никто не навесит на нее новых пациентов еще много недель. Bravo.

– За что он сидел в тюрьме? – Ширли.

– Я правда не знаю. – Рэйчел. – Я уже сказала, у меня доступ к тем же записям, что и у вас, поэтому никакой прочей информации.

– Но разве это не странно? Разве мы не должны быть в курсе? – Джули.

– Какая разница? – Я. – За вымогательство его посадили, или за вооруженное ограбление, или за что-то еще. Абсолютно никакой разницы. Может быть, за наркотики. Или преступление третьей степени, вообще что-то незначительное, а учитывая так называемый закон «три страйка – и ты выбываешь», он мог бы остаться там навсегда. Это не половое преступление – в

базе он не зарегистрирован, я проверила. Ведь действительно не должно иметь значения, за что его осудили. Важно знать только то, что он там был. Его взгляд на мир и будущее явно изменился, и, возможно, там ему пришлось вытерпеть ужасные вещи. – Произнося это, я внезапно осознаю, что мне на самом деле жутко некомфортно из-за того, что мне неизвестно, почему он провел в тюрьме столько лет.

– Я слышала, что он не разговаривает. Вообще. И что он очень агрессивный. Он отказывается следовать правилам, у него не складываются отношения с другими пациентами, и он не заполняет никакие анкеты. – Ширли.

– Ну что ж, полагаю, это очевидно, что он не желает сотрудничать и помогать нам с бумагами. Но я предлагаю всем просто отнестись к этому как к предмету для размышлений и не заполнять пустые места в анкетах драматическими историями, в то время как мы не обладаем достаточной информацией. Факт тот, что он здесь, и мы будем с ним работать. – Рэйчел ни на кого не смотрит; она готовится бросить бомбу. Некоторое время она выжидает. Все начинают беспокойно ерзать.

– Сэм... – она натянуто улыбается мне, – и Гэри. – Гэри, побежденный, придавленный, тяжело оседает на стуле. – Я собираюсь отдать Ричарда тебе, Гэри, а Сэм будет твоей помощницей. Вы многому научитесь, работая с этим пациентом, и думаю, вас ждет серьезное испытание. И – Сэм, у тебя самый большой процент успешного излечения трудных больных и высокая квалификация. Я бы предпочла, чтобы Ричард начал с психологом-мужчиной, и посмотрим, как пойдут дела. Все мы будем рядом на случай, если вам понадобится поддержка и помощь, но я уверена, что вы справитесь.

Ширли и Джули переглядываются; в их глазах читается преувеличенное облегчение. Все выдыхают. Дэвид сочувственно треплет меня по плечу. Гэри раздраженно пыхтит и картинно роняет голову на грудь, когда Рэйчел передает ему копию истории болезни Ричарда. Он молча смотрит на меня и нетерпеливо закидывает ногу на ногу.

– Нет проблем, Рэйчел. Я за это возьмусь.

Я собираю свои бумаги, подхватываю чашку с кофе и, когда мы все медленно тянемся к выходу, Рэйчел вручает мне мою копию истории болезни.

Гэри уверяет меня, что у него тоже нет проблем, он сам возьмется за дело Ричарда и мне не нужно участвовать в процессе лечения. Гэри идиот.

– Все это очень хорошо и даже прекрасно, Гэри, но я бы хотела, чтобы ты зашел ко мне в кабинет и мы обсудили план действий. Это не потому, что я считаю, что ты один с ним не справишься; просто мне бы хотелось быть в курсе того, что происходит, если тебе нужна будет моя помощь.

– У меня правда нет сейчас времени, и я хочу устроить первую встречу с этим парнем уже сегодня. – Гэри стоит в дверях конференц-зала, занимая собой весь проем, и показывает пальцем в сторону своего кабинета.

– Да ладно, пойдём. Это займет десять минут.

Он испускает стон и следует за мной по коридору к моему кабинету.

– Садись, – предлагаю я и жестом показываю на кресло для пациентов.

Его кроссовки Gatorade издают при ходьбе хлюпающий звук. Гэри обрушивается в кресло.

– Я собираюсь найти его и привести в кабинет для ознакомительной встречи сегодня утром. Хочу поговорить с ним как мужчина с мужчиной и буду обращаться с ним так, будто он совсем не страшный и вообще никакой не исключительный случай. Уверен, что все эти идиотские слухи о том, что он страшный, вызваны только тем, что он бывший заключенный, а те, кто сидел в тюрьме, как правило, пугают обычных людей. Ну, во всяком случае, не меня. Я не боюсь. – Он трет кроссовкой мой ковер.

– И это весь твой план? Поговорить с ним как с мужчиной с женщиной? – Такую глупость я даже записывать не собираюсь.

– Ну да. Тоже мне, большое дело. В этом нет ничего особенного, Сэм. Он пациент, я психолог. Значит, он должен отвечать на мои вопросы. Не понимаю, почему раньше у всех были с ним проблемы.

Я качаю головой; у меня похмелье, и она кажется такой хрупкой, будто вот-вот разобьется. Таким образом я пытаюсь выгнать из нее глупый ответ Гэри.

– Не мог бы ты все же посвятить меня в детали? Как именно ты планируешь достучаться до него и пробиться сквозь стену молчания, хотя до сих пор никому этого сделать не удалось?

– Как я уже сказал, поговорить с ним как мужчина с женщиной. – Он делает ударение на трех последних словах.

– Что значит «как мужчина с женщиной»? – Моя ручка зависает над блокнотом, и я отвожу глаза. Я боюсь смотреть на Гэри, боюсь услышать его ответ.

– Тебе этого не понять, потому что ты не мужчина. – Он поднимается и снисходительно похлопывает меня по плечу, а затем наклоняется и добавляет: – Мы с тобой назначим еще одно совещание после того, как я получу от него ответы, о'кей?

И выходит.

23 октября, 23:37

Я откладывала вынос мусора целую неделю, и помойное ведро переполнено. Под раковиной в кухне мало места, и, поскольку пью я больше, чем готовлю, у меня большое ведро, которое стоит между дверью и холодильником. Оно скорее похоже на корзину для белья.

Прозрачный голубой пакет просел под тяжестью пустых бутылок, и я с силой дергаю его за красные завязки, чтобы вытащить. Стекло звяканье, которое он издает, абсолютно невыносимо. Разумеется, пакет протек, и от вони алкоголя недельной давности, смешанной с острым кислотным запахом бутылки с «Тропиканой», в которой я делала «отвертку» сегодня утром, к горлу тут же подступает тошнота. Именно поэтому я вечно оттягиваю эту процедуру до последнего момента.

Звяканье бутылок было бы не таким громким, если бы я не тащила пакет по застеленному ковровому коридору, а подняла бы его и закинула на плечо, на манер Санта-Клауса. Я так и делаю, когда подхожу к старым мраморным ступеням, ведущим в подвал.

Толкаю дверь, включаю свет и вижу разбегающихся во все стороны жуков. Они забрались сюда на зиму, а это помещение для них как буфет всякого дерьма, и им обеспечен нескончаемый пир вплоть до самой весны. Я бросаю свой мешок с бутылками в пластиковый бак. Кажется, несколько из них разбились. Протекший мешок испачкал мои пижамные штаны, и я пытаюсь вытереть мокрое пятно тряпкой, что висит на крючке у двери.

Я поднимаюсь в свою квартиру и убираю разводы на полу. Потом кладу две забытые бутылки из-под пива в свежий пакет и вставляю его в мусорное ведро. На книжной полке я держу две бутылки скотча, который никогда не пью. В каждой примерно на четыре пальца жидкости. Если кто-то заходит в гости, то это выглядит стильно и изысканно, очень по-взрослому. А еще в моем холодильнике всегда есть бутылка или две вина. Не потому, что я храню их для особого случая, а потому, что вино я покупаю практически оптом.

26 октября, 15:35

Возвращаясь после сеанса с женской группой, я вижу, что Гэри мнетя у дверей моего кабинета.

– Привет, Гэри. Тебе что-нибудь нужно?

В его глазах отчаяние, и я знаю, что именно он пришел со мной обсудить.

– Да, мне надо с тобой поговорить. У тебя есть минутка?

– Конечно есть, заходи.

Гэри плюхается в кресло для пациентов и запускает потную руку в волосы.

– Это сводит меня с ума. Я не могу добиться ни слова от этого парня, а мы встречаемся каждый день начиная с пятницы.

– Ты имеешь в виду Ричарда Макхью? – Я точно знаю, кого он имеет в виду.

– Да. Я привел его к себе в кабинет в пятницу, как и собирался, и попытался начать с оценки психологического состояния, интеллекта и прочего для истории болезни. Ну, я говорил, да? – Он наклоняется ко мне через стол и машет мясистой рукой у меня перед лицом. – А он не сказал ни слова. *Ни слова.* Он просто сидел и смотрел. Я уж подумал, что он глухой или немой, потому что он... он молчал, и все. Не взбесился, не разорался, ничего такого, просто сидел молча. Я повторял одни и те же вопросы, а он пялился или на меня, или в окно. В тот раз я решил, что он, возможно, еще не готов. Рассказал ему о себе, постарался установить с ним контакт, сказал, что буду общаться с ним как с мужчиной, если и он будет общаться со мной как с мужчиной. И – *ничего.*

Гэри искренне удивлен, что его дурацкий самонадеянный план поиграть в мачо не сработал. Часть меня хочет рассмеяться ему в лицо, но другая часть сохраняет профессионализм и хочет помочь ему стать хорошим психологом.

– Так. Значит, с изначальным планом не вышло. Говоришь, после этого ты встречался с ним каждый день? Ты изменил подход или действовал так же?

– Да. Я попробовал все, что мне известно, применил весь свой опыт. Сначала да, я попробовал метод «как мужчина с мужчиной». Это не пошло. В понедельник я попросил его снова прийти ко мне в кабинет, и он не стал спорить или сопротивляться. Я решил, что в этот раз буду говорить только по делу и заставлю его поработать с опросниками. Но он не ответил ни на единый вопрос! Начал читать газету. Притащил с собой здоровенную кипу газет и даже не посмотрел в мою сторону, пока я задавал вопросы.

– Ясно. Как я понимаю, вчерашний и сегодняшний сеансы прошли более или менее в такой же манере? – Я уже устала слушать одно и то же.

– Да, полная тишина. Он даже не здоровается. – Гэри откидывается назад. – Он доволен тем, что теперь это моя проблема.

– Гэри, ты сделал четыре попытки разговорить человека, который явно не очень-то любит болтать. Стоит ли удивляться, что привычные методы и подходы не приносят результатов?

– Не думаю, что дело в методах. Скорее во мне. Мне кажется, я ему просто не нравлюсь. – Гэри выдает это, чтобы погладить мое эго, польстить мне. Тогда я, может быть, сама предложу ему взяться за Ричарда и ему не придется меня просить.

– И как бы ты хотел продолжить? – Я не дам ему слезть с крючка так легко.

– Полагаю, ты должна с ним поработать. Я не могу позволить себе такую роскошь – тратить время на человека, который не желает говорить. Не хочет, чтобы ему помогли. У меня его и так мало. – Он складывает руки на груди и мелко трясет головой. Так он похож на какое-то испуганное лесное животное.

– Я не могу сделать это по собственному желанию. Ты должен обсудить это с Рэйчел.

– О, да ладно, Сэм. Ради меня – возьми его себе.

– Ради тебя я уже взяла себе Шона. – Я вздыхаю. – Но если Рэйчел даст такое распоряжение... хорошо, я возьму его. Но до этого – он твой. – Для пушкого эффекта я захлопываю блокнот, встаю и открываю дверь. Пусть Гэри поищет Рэйчел и сам уладит все формальности.

28 октября, 9:12

По утрам в 9 часов у нас обычно бывают совещания. На них мы обсуждаем своих пациентов и всякую административную фигню, с которой надо разобраться. Как правило, все тащат туда свои задницы без особой охоты – за исключением меня и нашей начальницы Рэйчел.

Рэйчел – реальный защитник, как в футболе. Она из тех людей, что, войдя в помещение, сразу как будто бы занимают собой все пространство. Ее громоподобный голос и острый ум пугают всех наших до полусмерти. Она явно была рождена, чтобы управлять каким-нибудь серьезным учреждением, а поскольку личная жизнь у Рэйчел отсутствует, это помогает ей работать все лучше и лучше. Ее безжизненные, тускло-каштановые волосы вечно собраны в хвост и завязаны бархатной резинкой, и носит она одно и то же: свитера и брюки-чиносы, которые маловаты ей в бедрах, так что карманы по бокам торчат, как маленькие ушки.

Я нравлюсь Рэйчел. Ей необходимо верить, что я всегда энергична, позитивно настроена и вообще не человек, а сплошной солнечный свет. В больнице я – супергерой. Разруливаю трудные ситуации, решаю проблемы, ко мне всегда обращаются, когда нужно сделать какое-нибудь противное дело. Или вообще дело. Мои коллеги меня за это ненавидят. Ну, только если я не соглашаюсь провести вместо них групповой сеанс, или сопроводить пациента в отделение неотложной помощи, или закончить за них заключение/отчет/план лечения. Тогда они меня обожают. В качестве защитного механизма я иронизирую над собой; а еще спрашиваю всех, как они провели выходные и как вообще дела, потому что люди страдают нарциссизмом и никогда не спросят в ответ, а как я провела выходные и как дела у меня. И это избавляет меня от необходимости лгать.

– Фрэнки снова в больнице, – начинает Ширли. – Насколько мне известно, он стоял посреди улицы и пытался регулировать движение. Это был перекресток на Бродвее, и удивительно, что он вообще остался жив. Когда полиция попыталась его остановить, или схватить, или что-то в этом роде, он, естественно, побежал прочь, наткнулся на машины, протискивался между ними... Это был кошмар. В конце концов они с ним справились, не знаю как, и отправили в психиатрическое отделение Медицинского центра Колумбийского университета. Сейчас он под наблюдением; подозрение на возможную попытку самоубийства. Доктора оттуда то и дело звонят мне и говорят, что он отказывается сотрудничать. Не знаю, как мне следует поступить в этом случае. – Ширли произносит это отстраненно; она давно не питает никаких иллюзий, а способность к сочувствию исчерпала много лет назад.

– Ты поедешь в Медцентр университета, Ширли, – раздраженно чеканит Рэйчел. Она очень недовольна и с утра очевидно не в духе. Возможно, у нее предменструальный синдром. – Поговоришь с врачами. Удостоверишься, что им известно – ты тот доктор, который занимается его лечением, и он находится под твоей опекой. Фрэнки в конце концов снова вернется к нам после того, как его выпустят оттуда. И ему нужно знать, что мы с ним, что его не бросили в палате для психбольных в клинике университета. И помните, все вы. – Рэйчел обводит нас таким взглядом, будто мы – плохие детишки, которые без спроса съели все печенье. – Мы – единственный источник помощи и поддержки для многих из наших пациентов. Мы их отцы и матери, опекуны и доверенные лица...

Вообще-то я не подписывалась работать чьей-то матерью или отцом, и, пока Рэйчел продолжает свою нудную лекцию, которую мы слышали уже миллион раз, во мне тихо закипает возмущение и неприязнь. Я прихлебываю кофе и смотрю в единственное окно конференц-зала. Через улицу идет стройка. Немного слышно, как она шумит, но я в основном пялюсь на рабочих в джинсах и светоотражающих жилетах, как они карабкаются вверх и вниз по лесам, и думаю, что будет, если кто-нибудь решит спрыгнуть.

– Что касается прочих новостей, – говорит Рэйчел, – сегодня утром я хочу объявить, что мы передаем одного из пациентов другому психологу. Гэри очень старался установить контакт с новым больным, Ричардом Макхью, и проделал огромную работу, но, к сожалению, успеха не добился. Вчера я сама встречалась с Ричардом, чтобы обсудить с ним возможную смену психолога, и он попросил, чтобы с ним занималась ты, Сэм, – он прямо назвал твое имя. Так что теперь он твой. Желаю удачи. – Рэйчел сообщила мне об этом еще вчера, перед концом моей смены, соответственно, это – всего лишь представление для персонала.

Рэйчел отводит меня в сторонку и благодарит за то, что я согласилась взвалить тяжкий груз на свои плечи. Я радуюсь – ну как же, я ее золотая девочка, она верит в меня, а каждый раз, когда я чувствую, что Рэйчел верит в меня, начинаю верить в себя сама. Она еще раз напоминает мне, что Ричард особо выделил – он хочет, чтобы с ним работала я, Саманта Джеймс.

Джули ждет меня снаружи, у дверей конференц-зала.

– Неудивительно, что Гэри не сумел справиться с этим парнем. Я уверена, у тебя с ним пойдет гораздо лучше. Не могу поверить, что Рэйчел вообще сначала назначила Гэри – только время зря потеряли. Гэри такой некомпетентный. – Джули, которая всегда ищет кого-то, кто скажет ей, что это она некомпетентна. Она отирается вокруг меня, как будто мы лучшие подружки и знаем друг друга лет двадцать, держит меня под руку и обдает мои волосы горячим кофейным дыханием.

– Мне кажется, такой идиотизм устраивать эти собрания, когда еще толком не рассвело. Темно, как в заднице, у всех еще похмелье не прошло, и даже читать невозможно, потому что глаза не продерешь и вообще пока не соображаешь, – говорю я и пытаюсь аккуратно от нее освободиться.

– У тебя похмелье?

– Это просто фигура речи, Джули. Нет у меня никакого похмелья. – Ложь, ложь, ложь. Больше всего на свете мне хочется привалиться к унитазу и не отходить от него. Но от Джули вряд ли дождешься утешения.

– А... понимаю... я просто подумала, что ты, может быть, опять ходила вчера куда-нибудь повеселиться. Когда уже мы пойдем вместе? У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

Я нравлюсь Джули, и она хочет стать моей подругой, но, как бы я ни старалась, мне не удастся испытать к ней ответную симпатию. Как бы я ни ценила ее за то, что она милая идиотка, неспособная закончить школу, я не в силах выслушивать ее бессмысленные размышления и жалобы на тупые девчачьи проблемы, типа ссор с ее подругами-дебютантками и вообще трудности жизни (то есть жизни в стиле загородного клуба). Мимо проходит Дэвид, понимающе улыбается мне и иронично хмыкает.

– Я не строю планов так рано, прямо с утра. Но я тебе обязательно скажу, если что – мы непременно должны сходить и выпить по коктейлю как-нибудь.

Мы приближаемся к моему кабинету; я широко улыбаюсь, выдираю наконец свою руку и, удерживая одновременно кофе и папки с файлами, роюсь в кармане в поисках ключей. И вдруг замечаю, что дверь в кабинет открыта.

Кажется, ничего не пропало. Наверное, я просто забыла ее запереть. Может быть, я все еще пьяна. Мой айпод на месте, запутанный в провода от наушников, на стопке книг на письменном столе. Если бы кто-то заходил в кабинет, его бы там не было. Кеды в углу, там же, где я оставляю их каждое утро. Пару месяцев назад Ширли случайно оставила дверь открытой и ушла на групповой сеанс, а когда вернулась, обнаружила, что исчезли все батарейки из всех ее электронных устройств.

28 октября, 11:00

Моя первая, ознакомительная встреча с Ричардом должна состояться уже сегодня, и последний час я прибирала в кабинете, расчищала стол и пыталась привести в порядок лицо и волосы. Я боюсь его, а такого чувства я не испытывала уже почти пятнадцать лет, с моего самого первого сеанса. Мне тогда едва исполнилось двадцать два. Никаких переживаний, подобных этому, у меня давно уже нет. Я работала с лунатиками и психопатами, дипломатами и высокопоставленными лицами, и теперь мне это совершенно безразлично. Я вообще не помню, когда последний раз была так напугана.

Мой кабинет устроен так, как и у всех, как полагается – мое кресло находится ближе к выходу, чем кресло пациента. Это делается для того, чтобы психологу было легче выбраться из комнаты, если пациент вдруг начнет вести себя агрессивно. Но у нас принято говорить, что такое расположение мебели позволяет врачу быстрее позвать скорую помощь, на случай, если она понадобится больному. Пациенты в моем кабинете ни разу не проявляли враждебность и не бросались на меня. Вообще такое обычно случается в общих помещениях. Я замечаю, что ножницы лежат слишком близко к креслу пациента, и убираю их в ящик стола. Иногда я сижу на столе, чтобы можно было смотреть в окно и притворяться, что у меня совсем другая жизнь.

Стук в дверь такой громкий и так бьет по ушам, что мои и так издерганные нервы как будто взрываются. Горло перехватывает, так что трудно издать хоть какой-то звук. Но я должна казаться спокойной, несмотря на дикий страх.

– Здравствуйте, Ричард. Проходите и садитесь. – Сама я стою и придерживаю для него дверь. Жду, пока он усядется, закрываю ее, и меня тут же накрывает приступ головокружения. Он устраивается в кресле и выкладывает на край моего стола толстенную стопку газет. – Я буду вашим психологом. Эту встречу я устроила для того, чтобы мы могли познакомиться, немного узнать друг друга и, возможно, начать работать с документами. Это необходимая часть терапии. – Произнося это, я тоже сажусь.

Ричард молчит. Вместо ответа, он берет верхнюю газету из стопки, нарочито сосредоточенно открывает ее и находит нужную ему статью. Это целое шоу. Потом он снимает шляпу. Вообще это не шляпа, а кепка, самая обычная, коричневая, с мелким рисунком в елочку. Ричард аккуратно пристраивает ее на газеты. Когда он поворачивает голову, я замечаю два маленьких круглых шрама на шее под воротником.

Я шуршу листами его незаполненной истории болезни и снова делаю первый шаг:

– Почему бы нам не начать с раздела «история семьи»? Так вы можете рассказать мне о своей семье, и нам не нужно будет сразу говорить лично о вас.

Он отворачивается от меня, складывает газету на коленях и переносит внимание на рабочих на стройке за окном.

– О'кей, значит, никакой истории семьи. Как насчет целей терапии? Не желаете рассказать, чего именно вы ждете от лечения у нас в «Туфлосе» и каких результатов вам хотелось бы достичь?

Ричард задирает брови, вздыхает и садится поудобнее, чтобы ему было лучше видно рабочих.

– О'кей, это явный ответ «нет». Ну а может быть, просто расскажете мне о себе, неофициально, все что хотите, и я таким образом получу информацию, которая мне нужна?

Он бросает на меня крайне раздраженный, неодобрительный взгляд.

– Вы хотите, чтобы я сидел здесь и говорил о себе? Как на собеседовании, когда на работу принимают?

– Что ж, если хотите, можно назвать это и так. Собеседование. Было бы отлично.

– Нет. – Решительно и грубо.

Да, прогресса у меня не больше, чем у Гэри. Похоже, мне придется повозиться с этим парнем куда больше, чем я предполагала. Я ощущаю невыносимую усталость от одной только мысли об этом.

Тяжело вздыхаю, специально в сторону Ричарда. Надеюсь, от меня воняет перегаром, блевотиной и кофе и он это учует. Пусть поймет, насколько его сопротивление выбивает меня из колеи.

28 октября, 22:01

Я сижу в вагоне и наблюдаю, как ссорится пара впереди меня. Метро битком набито людьми, снаружи очень холодно, но пассажиры нагрели воздух, и я чувствую, как под шарфом по шее сбегает капли пота. Поезд покачивается и убаюкивает меня, я будто впадаю в транс и слышу только, как женщина передо мной бубнит своему бойфренду, что с нее хватит.

Сейчас у меня кое-кто есть. Не понимаю, почему мы используем это выражение – «кто-то есть». Обычно так говорят о хомячках или котиках. Но именно так я предпочитаю называть свои отношения, потому что мне не хочется говорить «отношения». Мы... встречаемся уже довольно долгое время.

Его зовут Лукас. Теоретически он тот самый тип мужчины, за которого нужно выходить замуж. Он занимается чем-то в банковской сфере и называет это «финансы», за что мне хочется треснуть его кулаком. Он может отличить каберне от мерло и хочет, чтобы я употребляла больше танинов. У него кинг-чарльз-спаниель по кличке Маверик, что лишний раз доказывает – этот игрок абсолютно не из моей лиги. Он учился в Корнеллском университете, и еще он тщательно разделяет волосы на пробор. По утрам приглаживает их расческой с частыми зубьями, а потом проводит идеально ровную линию слева. Выбившиеся волоски с филигранной точностью возвращает на место. Я дотошна и скрупулезна, но он точно чокнутый. Всю свою обувь он держит на распорках. Для него это крайне важно – войдя в дом и сняв ботинки, первым делом вставить в них распорки, потому что они еще теплые после носки и могут легко потерять форму. Я меньше беспокоюсь о своих туфлях, чем он. У него пепельно-русые волосы, и он носит костюмы. А из кармана костюма всегда торчит кончик особого платочка, который он складывает особым образом. И еще он симпатичнее, чем я.

Лукас иногда говорит со мной о женитьбе. По мне, это просто смешно. Я не из тех девушек, которых берут замуж. Единственная причина, по которой я так долго остаюсь с Лукасом, – это мое желание его спасти. Это совершенно типичная для меня линия поведения, хотя осознала я этот факт лишь недавно. И смирилась с ним. Да, так я живу и так всегда поступаю.

В Лукасе есть все, чего так жаждут девушки: стабильность, деньги, привлекательная внешность, более чем достойное образование. Но за всем этим скрывается изломанный, болезненный, крайне неуверенный в себе маленький человечек. Именно с ним я и встречаюсь.

Мне не нужен этот образчик совершенства; я не хочу иметь дело с причесанным на пробор представителем элиты, который всегда вставляет в ботинки распорки, джентльменом – членом загородного клуба. Мне нужен крохотный несчастный щеночек, что прячется внутри его и изо всех сил притворяется другим. Я хочу найти этого щеночка, почесать ему животик, успокоить, взять его к себе, пока он болеет, а потом, когда поправится, уйти. Такой у меня план. Так я точно знаю, что никто не причинит мне боли и что меня ценят.

Я не умею ценить себя сама, поэтому мне необходимо, чтобы меня ценили другие. Как только я замечу, что колодец пересыхает, что Лукас ценит меня меньше, я исчезну из его жизни и двинусь к другому источнику. По правде говоря, мой план не работает. Он не работал с самого начала. Но сдаться я пока не готова.

31 октября, 10:25

Сегодня Ричард присутствует в моей группе, и я вдруг осознаю, что скорее играю спектакль, чем провожу сеанс терапии. Он сидит рядом с относительно недавно поступившим пациентом, перцем по имени Девон. Девон одного возраста со мной, и он невероятно стильный. Сегодня на нем джинсы от дорогого дизайнера, специально потертые черные кожаные сапоги со слишком длинными носами (они похожи на ковбойские сапоги мультяшных героев), серая спортивная майка и очень симпатичная кожаная байкерская куртка а-ля «плохой парень». Однако это не простая куртка, какую можно купить в универмаге за девятьсот долларов и какие на самом деле и носят ребята, что разъезжают на мотоциклах. Его длинные дреды собраны в толстый хвост. Если бы я повстречалась с Девоном при других обстоятельствах, я бы сочла его очень сексуальным. Ну, кроме сапог.

Девону поставили диагноз «шизофрения дезорганизованного типа, или гебефрения». Необычный случай для нашего заведения; большинство пациентов с шизофренией страдают от параноидального типа. Обыкновенные люди называют это параноидальная шизофрения, но, находясь в этих стенах, я должна называть вещи правильно.

Он сидит на краешке стула, причудливо переплетая ноги, постоянно сцепляет пальцы и выворачивает руки. Несколько раз за сегодняшний сеанс мне казалось, что он вот-вот свалится.

После нескольких сеансов Девон начал стоять в такой позиции. Он опирался на согнутую ногу, поразительным образом обернув вокруг нее другую, вытягивал перед собой руки и, наконец, начинал делать движения, похожие на какое-то восточное боевое искусство. Так, стоя, он боролся с невидимым врагом, медленно, сосредоточенно меняя положение рук, как в тайчи. Это и завораживало, и отвлекало меня одновременно.

Сейчас я вижу, как Девон снова начинает выворачиваться и принимать свои странные позы, и внутренне пугаюсь, думая, как это может повлиять на других пациентов, особенно на Ричарда. Я все время как бы наблюдаю за ним одним глазом, в то же время не выпуская из поля зрения всю группу. Ричард держится особняком; он устроился так, чтобы между ним и ближайшим пациентом было несколько стульев. Однако он время от времени отрывается от газеты, оглядывая всех поверх очков, и замечает Девона. Прочих пациентов поведение Девона начинает беспокоить; некоторые даже проявляют себя совсем уж с отвратительной стороны и говорят, что не хотят находиться рядом с этим чудиком. И даже требуют, чтобы я выгнала его из группы.

– Здесь никого не выгоняют, Барри. Успокойся и относись к этому терпимее. – Сидя на столе, я чуть откидываюсь назад.

– Не, народ, этот чувак чудик, реально, я не хочу, чтобы этот чокнутый действовал мне на нервы. Он отвлекает группу! Его тут быть не должно! – Барри как бы исполняет роль миротворца, в то время как на самом деле, наоборот, поднимает смуту. Он часто выступает за справедливость и будто бы защищает интересы членов группы, и это всегда вызывает раздоры. Я думаю, Барри устраивает сцены, чтобы не слышать голосов в голове.

– Барри. Поскольку ты решил назначить себя выразителем общих интересов, почему бы нам не последовать за тобой и не поговорить о том, что такое клеймо. – Все ненавидят, когда я так делаю.

– О-о-о-о-о, мисс Сэм, можно нет? Типа я устал разговаривать об этих клеймах.

– Клеймах.

– Да называйте как хотите. Мне надоело.

– Так. Прежде всего, что такое клеймо? Что это означает?

– Клеймо – это вроде предрассудков, так? Когда ты ведешь себя с кем-то как говнюк из-за того, как они выглядят, или они черные, или что-то в этом роде, так? – Это Люси. Ей сем-

надцать. Она носит суперсексуальные наряды и слишком сильно красится. У Люси биполярное аффективное расстройство². Иногда она проявляет себя такой умницей, что мне хочется немедленно отправить ее в Гарвард, а в иные дни не может даже назвать свое имя.

– Правильно, Люси. Молодец. Клеймо действительно очень похоже на предрассудки. Это негативное отношение к члену группы, например, которое основано только на том, что он – член группы. Кто-нибудь из вас проходил через что-то подобное?

Иногда я чувствую себя скорее учителем, чем кем-то еще. Когда в группе происходит интересная дискуссия, я обычно начинаю постукивать каблуками по ножкам стола. По идее я не должна сидеть на столе; это еще одно правило, которое придумано для того, чтобы четче отделить «нас» от «них». Но чем дольше я здесь работаю, тем больше мне плевать на разделение.

Все поднимают руки – на всех в прошлом ставили клеймо. Даже Ричард. Девон – единственный, кто никак не реагирует. Я обращаю на это внимание.

– Девон, ты видишь, все подняли руки. С тобой в прошлом не случилось ничего такого? – Я хочу вовлечь его, а не оттолкнуть, но боюсь, впечатление у него другое.

Девон смотрит на меня и, кажется, что-то произносит.

– Извини, Девон, я тебя отсюда совсем не слышу. Можешь повторить, что ты сказал?

Он снова что-то отвечает, на сей раз оторвав подбородок от шеи, наверное, чтобы мне было лучше слышно.

– Прости, я опять не поняла.

– Он говорит, что старается держаться подальше от других людей, – говорит Стефан.

– Спасибо, Стефан. Иногда из-за шума здесь действительно трудно что-то расслышать. Значит, Девон, ты держишься в стороне от людей? Это из-за того, чтобы на тебе не поставили клеймо?

Он кивает.

– Это больно, когда на тебе ставят клеймо, правда?

Снова кивок.

Все тоже начинают кивать.

– Как вы считаете, что другие люди думают о тех, кто страдает психическими расстройствами? Как называли вас? Какое на вас ставили клеймо?

– Они говорят, что мы сумасшедшие. – Пока Стефан произносит это, я выписываю слово на доску позади.

– Ленивые. Необразованные. Глупые. – Барри.

– А еще говорят, что мы – обуза для общества. Типа, мы не приносим Америке никакой пользы. – Опять Люси.

– Опасные. – Я на секунду изумляюсь, когда слышу, кто это произносит. Адель. Ей лет сто. Она худенькая и хрупкая, как все старушки в таком возрасте, и я не могу себе представить, чтобы кто-то назвал ее опасной. Но потом вспоминаю, что однажды, в период, когда Адель не принимала лекарства, она воткнула ножницы в грудь какому-то человеку.

– Грязные. Отвратительные. Люди не хотят даже стоять рядом с нами. Даже мы сами не хотим стоять рядом друг с другом. – Дэррил.

Дэррил страдает от травматического повреждения мозга. Результат выстрела в голову, который он же и произвел. Дэррил все еще борется с депрессией, но клянется, что больше никогда не совершит попытки самоубийства. После этого случая жена ушла от него, потому что не могла смотреть на его изуродованное лицо.

² Биполярное аффективное расстройство (ранее – маниакально-депрессивный психоз) – психическое расстройство, проявляющееся в виде аффективных состояний – маниакальных и депрессивных, а иногда и смешанных, при которых у больного наблюдаются быстрая смена симптомов мании (гипомании) и депрессии (например, тоска со взвинченностью, беспокойством либо эйфория с заторможенностью). Возможны многообразные варианты «смешанных» состояний.

– Хорошо, я скажу это: они говорят, что мы чудики. – Это Барри. Пытается сделать поправку. Он смотрит на Девона. – Извини, чувак. Не надо было мне называть тебя чудиком. Тебе это на фиг не сдалось, когда другие и так уже тебя обзывают.

Девон кивает.

– Спасибо тебе за это, Барри. Ты поступил очень хорошо. Что еще, ребята? Как еще люди клеймили вас из-за ваших заболеваний?

Я вижу, что Ричард смотрит на Барри, и в его взгляде читается одобрение. Кажется, он доволен, что тот извинился.

– Люди думают, что могут этим от нас заразиться. Вроде как переспшишь с кем-то и подцепишь биполярное расстройство. – Люси.

– А кто-нибудь знает, правда это или нет? – Я стараюсь учить их, но так, чтобы они не чувствовали себя детьми в школе. Я смотрю на Ричарда, но он уже отвлекся и размышляет о чем-то своем.

– Не, можно подцепить СПИД или всякое другое дерьмо, но сумасшествием не заразишься. – Барри.

Выписывая слова на доску, я ощущаю, как меня охватывает чувство вины. Я сама верила во все это. Когда-то это могла бы сказать и я. Мне одновременно грустно, и хочется придумать хоть что-то в свою защиту.

Сеанс подходит к концу, я жду, пока все выйдут в коридор, потом прохожу по комнате, расставляю стулья полукругом, как было вначале, и подбираю мусор, оставленный пациентами. Приближаясь к стулу Девона, который он втиснул в самый угол, замечаю что-то маленькое и коричневатое, вроде кусочков облупившейся краски или конфетти. Они разбросаны на сиденье. Я сметаю их на пол и иду дальше.

После этого я стираю с доски слова, что написала, и произношу их про себя, думая о том, сколько раз я чувствовала себя заклеянной. Какие из них люди говорят обо мне? Уже не в первый раз я задаю себе вопрос – а не подхожу ли я под это описание?

1 ноября, 11:11

Я дала Ричарду расписание наших с ним еженедельных сеансов, а также нескольких групповых сеансов терапии, которые проводятся почти каждый день. Пациенты, как правило, хорошо реагируют на четко структурированный день, и, кроме того, мне хочется, чтобы он был занят, пока я буду подбирать к нему ключ. Сегодня утром у нас индивидуальный вторичный сеанс в 11 часов. Он возится и ерзает в кресле для пациентов, устраиваясь поудобнее. Вообще он слишком большой для моего кабинета. Он выглядит как кукла, которая в два раза больше кукольного домика. Раскачиваясь взад-вперед в кресле, он держит под мышкой свою обычную стопку газет. Когда Ричард наконец находит устраивающее его положение, он небрежно бросает газеты на край моего стола и неловко опирается на них локтем. Его левая рука согнута под странным углом, а запястье неподвижно, и это скорее похоже на протез, чем на настоящую конечность.

– Итак, теперь, когда у нас с вами есть расписание, я бы хотела, чтобы мы снова постарались поработать с историей болезни. Не могли бы вы уделить мне несколько минут внимания, чтобы наконец сдвинуть этот камень с места? – позитивно, с надеждой, может быть, даже энергично говорю я.

– Что это? Опять тесты? – спрашивает Ричард.

Кепку он не снял, и меня это страшно раздражает – мог бы проявить вежливость и сидеть без головного убора. Вдруг я понимаю – лучший способ подавить свой страх – это заменить его на злость, и тут же начинаю накручивать себя и думать, какой он невежа. Кстати, это все та же твидовая кепка, типа тех, что ввели в моду R&B-группы в девяностых.

– Не буду я больше заниматься с никакими бумагами. – У него спокойный, очень мужественный голос. Он не спорит со мной, просто объявляет о своем решении.

– Ни с какими, – автоматически поправляю я, листая файл и стараясь не встречаться с ним глазами.

– Слушайте, я здесь потому, что это мой выбор, и я знаю, что не обязан заполнять никакие анкеты, у меня есть право ничего не говорить о своей личной жизни, и я не обязан отвечать на ваши вопросы, а если вы захотите меня выкинуть – что ж, хорошо. Я знаю свои права. Я слышал, что вы здесь лучший психолог, и не думал даже, что вы начнете меня донимать, как тот парень, к которому меня послали сначала. – Ричард крутит руки, как будто хочет стереть что-то с больших пальцев. Он дерганный и нервный.

– Вам действительно не обязательно делать то, чего вы не хотите. Но вам же будет труднее, если вы станете меня избегать. Потому что я – тот человек, с которым вам придется иметь дело все время вашего нахождения в этом учреждении. Я здесь, чтобы помочь вам и сделать ваше пребывание тут как можно более безболезненным. Если вам что-то понадобится, я – тот человек, к которому вы обратитесь. Но я не смогу помочь вам до тех пор, пока вы не поможете мне. – Моя речь отрететирована заранее.

Мне кажется, что метод «маскировка страха с помощью злости и раздражения» работает. Ричард молчит. Я в первый раз смотрю ему в глаза и замечаю, что они голубые. Почему-то этот факт становится для меня полной неожиданностью. И он постоянно их щурит. Непонятно – или потому, что старается выглядеть угрожающе, или у него просто повышенная чувствительность к свету. Его радужки светло-голубые, намного светлее моих.

Он расцепляет пальцы, и я вижу, что у него очень ухоженные ногти. В принципе это примечательно лишь потому, что в этом Ричард не похож на всех других пациентов. Даже женщины, которые тратят на «фантазийный» маникюр последние деньги, позволяют ногтям отрастать до такой степени, что они начинают загибаться, и из-под ярко-зеленого, с блестками лака месячной давности выглядывают четверть дюйма собственного, ненакрашенного ногтя.

Он все еще молчит, и я не могу понять, по какой причине: то ли я его напугала, то ли он готовится броситься на меня и содрать с меня лицо. Что на меня нашло? Откуда я взяла эту храбрость и нахальство? Не представляю.

– Давайте начнем с чего-нибудь полегче. – Я надеваю очки и беру ручку. – Имя?

Мне хочется, чтобы он сам назвал свою фамилию. Боюсь, что он оскорбится, если я произнесу ее неправильно. Маккью. Не знаю, звучит ли там буква «Х», или нет, или существует еще какое-нибудь нетрадиционное произношение.

– Ричард Маккью. – Так, больше похоже на «Маккью». О'кей, разобрались хотя бы с этим. – Мне звать вас «доктор» или как?

– Можете называть меня доктор Джеймс, но я предпочитаю просто Сэм.

– А почему вам больше нравится Сэм?

– Ну, если честно, Ричард, просто потому, что «Сэм» легче выкрикнуть, когда кто-то зовет меня издали. А почему вы используете полное имя? У Ричарда есть столько чудесных уменьшительных. – Не слишком ли я надоедлива? Или дерзка? Или беспечна? Из меня будто выкачали всю энергию. Нет сил собраться и вести себя как профессионал – или хотя бы притвориться им. В голове у меня какая-то каша, и мне кажется, что на этом сеансе я невольно предаю свое истинное «я», но и не могу надеть соответствующую маску.

– Мне нравится Ричард. Никто и никогда не зовет меня Дик³.

– О'кей, сэр.

– Нет, я не просил называть меня «сэр». Я сказал – Ричард.

³ Дик – уменьшительное от Ричард; в то же время на сленге dick (англ.) означает «член».

– О'кей, Ричард. – Никогда не встречалась с подобной реакцией. Кому не по вкусу, когда к нему обращаются «сэр»? – Продолжаем. Дата рождения?

– Четырнадцатое июля тысяча девятьсот шестидесятого. Это был четверг.

– Серьезно? – Мне становится интересно. – А откуда вы знаете?

– Мать мне сказала. Что это был худший день в ее жизни, и поэтому она теперь ненавидит четверги.

Поверить не могу, что мы куда-то двигаемся. Сейчас нужно действовать очень осторожно, чтобы черепаха снова не спряталась в свой панцирь.

– Я люблю четверги. – «Это очень доброжелательный ответ, пожалуйста, только не захлопывайся. Пожалуйста, откройся мне». – И где вы родились, Ричард?

– В Куинсе.

– Ага, значит, здесь, в Нью-Йорке. Братья? Сестры?

– Нет. – Мы вернулись к односложным ответам.

– История семьи...

– Нет.

– Это не вопрос. Просто мы подошли к секции, касающейся истории вашей семьи, вашего происхо...

– Нет. Я не буду отвечать на вопросы о своей семье, – снова обрывает он.

– Хорошо, я прекрасно понимаю, что вам некомфортно отвечать, но, видите ли, это необходимо для вашего лечения, и...

– Нет. Я сказал – нет. И больше я ничего не буду говорить. – Все кончено. Черепаха забралась обратно в панцирь.

– Понятно. Вы не хотите сейчас этим заниматься. Мы можем вернуться к этому в другой...

Он перебивает меня до того, как я успеваю закончить предложение.

– У нас все? Хочу уйти. – Еще толком не договорив, он уже встает, открывает дверь и исчезает в коридоре.

Я остаюсь на месте и оцепенело пялюсь на книжные полки, а не на стол, потому что Ричард сбежал так стремительно, что по пути задел мое кресло и развернул его в другую сторону. Что это было? Что случилось? Что я такого сказала? Как потеряла его?

2 ноября, 22:53

Мы с Лукасом собираемся встретиться и пропустить по бокальчику. Вместе мы не живем, но проводим друг у друга столько времени, что я иногда надеваю его одежду, вместо того чтобы постирать собственную. Быть с Лукасом – это все равно что быть с двумя разными людьми, и с одним из них я не могу появляться на публике. Подсохшие ранки у меня на голове чешутся и слегка побаливают, но я все равно иду к нему. И все еще терплю такое обращение.

В девяноста процентах случаев мы ходим в один и тот же бар и видимся там с одними и теми же людьми. Некоторые из них – приятели; другие – просто завсегдатаи заведения, которые постепенно превратились в почти приятелей. Иногда в бар заходит Дэвид, тот парень с моей работы. Но сегодня мы с Лукасом намереваемся отправиться в другое место – он сказал, что устал и у него нет сил на вечеринку.

«Другим местом» оказывается «Флатирон лаунж» на Девятнадцатой улице. Коктейли там действительно интересные и дорогие, а еще там темно, и неудобные сиденья, а официантки такие сексуальные, что я чувствую неуверенность в себе. Но Лукас невероятно хорош в мерцании свечей, и я стараюсь успокоить себя и не думать о том, что он привел меня сюда, чтобы сообщить о нашем разрыве.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь, милая. – Голос Лукаса звучит так, что я представляю себе рев дизельного двигателя, покрытого слоем растаявшего сливочного масла. Да, у меня богатое воображение.

– Спасибо, мой дорогой. Я кристально трезва уже невероятное количество часов, видимо, этим все и объясняется. – Мне трудно сохранять серьезность, когда я нервничаю. И хотя Лукас – только мой проект, в мои планы не входит, чтобы он порвал со мной, так же как и окончание отношений сейчас. Так что я надеюсь, что эта торжественная обстановка означает что-то другое. И эти мысли неизбежно напоминают мне, почему я на самом деле с Лукасом и почему я продолжаю со всем мириться.

– Сегодня у меня просто не хватит энергии на то, чтобы общаться со всеми этими ребятами, понимаешь? Каждый вечер ходить в «Никс-бар» – это очень утомительно. – В действительности он выглядит полным сил, и у него вполне цветущий вид.

– Да, понимаю.

Я, конечно, вру. По правде говоря, мне очень хочется сидеть сейчас в «Никс-баре», потому что меня там все знают. Знают достаточно хорошо, чтобы считать привлекательной, сказочно обаятельной и все такое. И никто не догадывается, какое барахло и я сама, и моя жизнь. Именно в таком окружении мне нравится находиться. Когда все верят в то, что это не представление, а все по-настоящему, когда умные люди смотрят на нас с Лукасом и видят перед собой чудесную сплоченную пару, рациональных, нормальных, здоровых взрослых. Тогда я и сама в это верю. Мне очень нужно в это верить. В то шоу, что мы разыгрываем, в обман, в полное дерьмо, где мы на самом деле болтаемся, – мне необходимо, чтобы все вокруг принимали это за чистую монету. Необходимо убедить других, что со мной все в порядке. Может быть, в этом случае я тоже начну так думать. Вот почему я это терплю.

Сейчас я гляжу на всех этих длинноногих европейских красоток и чувствую себя все меньше и уродливее, и все больше нуждаюсь в подкреплении самооценки алкоголем. Но я пью что-то сладкое, со взбитым яичным белком, и оно явно не годится для моей цели.

– Еще я должен признаться. Это не единственная причина, почему мне сегодня захотелось пойти туда, где потише. – Лукас смотрит на меня, и, будь это любой другой парень, я назвала бы такой взгляд сексуальным. Однако Лукас в моих глазах выглядит комично. Он очень хорош собой, но я вся на нервах, и он кажется мне похожим на мультяшного героя.

– Да? Что за причина? – Я ощущаю, что между грудей у меня скатываются противные капельки пота.

– Я хотел поговорить с тобой о том, что нам стоит съехаться и жить вместе.

Он наклоняется ко мне еще ближе, его локоть занимает весь коктейльный столик, и я вдруг осознаю, что бар слишком маленький, а огни начинают пульсировать. У меня кружится голова, меня подташнивает, и хочется поставить ногу на пол, хотя мои ноги и так стоят на полу. Музыка слишком громкая, и кто-то спрашивает меня, не хочу ли я повторить коктейль, и я вот-вот потеряю сознание. Лукас протягивает руку, чтобы поддержать меня; ему знакомо это мое выражение лица.

– Я на тебя не давлу, – врет он. – Я бы просто хотел, чтобы мы снова это обсудили. Да, мне известно, что тебе не нравится идея совместного проживания и ты хочешь быть независимой. Но моя квартира слишком велика для одного, так что там у тебя будет предостаточно места. – Он откидывается назад и отпускает меня.

Я машу бармену, и он кивком посылает официантку к нашему столику. Все ее семь футов приближаются ко мне, нависают, и я едва выдавливаю из себя заказ: четыре шота⁴, «Патрон Сильвер»⁵. Лукас бросает на меня снисходительный взгляд, как это обычно бывает в местах

⁴ Шот (*англ.* shot) – порция напитка в одну унцию (30 мл), обычно крепкого, выпиваемая залпом, одним глотком.

⁵ «Патрон Сильвер» – марка текилы.

вроде этого. Как будто он не пьет каждый божий день, и вообще это все я. И в заведениях подобного толка ему и вправду удастся произвести такое впечатление. А Лукас расцветает, когда у него получается произвести нужное впечатление.

– Мне нравится, как складываются наши отношения, Сэм. И я думаю, из них действительно может получиться что-то серьезное.

– А мне все нравится именно так, как есть сейчас, Лукас. Я имею в виду, между нами. И мне не кажется, что нам следует что-нибудь менять.

– Почему ты так боишься обязательств и привязанности? – Он скрещивает руки на груди – принимает защитную позу. Люди, как правило, никогда не говорят Лукасу «нет». Это я говорю ему нет.

– Я не боюсь обязательств. И привязана ко всем, кто присутствует в моей жизни, настолько, насколько это возможно. Я очень привязана к тебе, разве нет? Так почему я не могу оставаться независимой? – Может быть, я говорю громче, чем следовало бы.

– Можешь сколько угодно сохранять свою независимость и при этом жить в моей квартире. Одно совершенно не исключает другого. – Лукас уже понимает, что его заход ни к чему не приведет. Так оно обычно и бывает.

Приносят шоты, и я успеваю опрокинуть два еще до того, как один из нас скажет «на здоровье». Лукас аккуратно поднимает третий шот, я хватаюсь за четвертый, и он произносит тот же самый дурацкий тост, что и каждый раз: «За то, чтобы быть лучшим во всем и всегда».

Когда он склоняется ко мне, чтобы чокнуться, я делаю вид, что не замечаю этого. Я считаю тосты нелепыми и помпезными. Моментально проглотив свой третий шот, я замечаю, что к столу, идеально рассчитав время, снова подходит официантка с салфетками и каким-то дорогим и редким сортом пива «только для знатоков», и думаю, а не живет ли Лукас в параллельной вселенной.

3 ноября, 8:31

Ричард сидит в моем кабинете. Когда я пришла утром, он уже ждал меня у дверей. Что-то очень его беспокоит. Я еще только надеваю свою рабочую маску и пахну утренними сигаретами и совсем не уверена, что готова справиться с очевидно назревшим кризисом.

– Это... я не буду больше ходить к ней на сеансы, – произносит он.

– Ричард... – в изнеможении выдыхаю я. Я устала, и у меня адское, абсолютно адское похмелье. – Почему вы не хотите посещать групповые сеансы Джули?

– Да она вообще не понимает, что говорит! Она сообщает мне, что, если я буду есть свеклу, мое дерьмо станет красным. Какое мне дело до свеклы? Я ее не ем. Здесь нам свеклу не дают, так где еще мне ее съесть? И мне ни разу не нужно, чтобы эта женщина рассказывала мне, какого цвета дерьмо. Короче, я не буду ходить на ее сеансы. Ни за что. Дайте мне что-нибудь другое.

– Это занятия, где рассказывают о правильном питании. В принципе о питании. Поэтому, конечно, там поднимают темы вроде этой.

В ответ упрямо задранные брови.

– Ладно, хорошо. Какие сеансы вы хотели бы посещать? С кем вы можете сосуществовать мирно?

– А что вы преподаете? В смысле, в это же время какой у вас сеанс?

– Групповой сеанс, который я провожу в это время, вам не подходит. У нас тут много самых разных пациентов, и некоторым из них требуется особая терапия. Вот этот сеанс как раз для них.

– А у меня может быть свободное время? Или могу я провести его в компьютерной комнате?

– Что ж, полагаю, мы должны поговорить о том, каких целей здесь вы желали бы добиться в плане лечения, и решить, как вам лучше всего провести эти часы.

– Мои цели? Чего я уж точно не желаю, так это знать что-то о свекле и дерьме.

– Фекалии, Ричард. Или кал. Не нужно говорить «дерьмо». – Я чувствую, что проигрываю, но кто тут на самом деле подсчитывает набранные очки?

Ричард откинулся на спинку кресла и не скрестил, а как-то перекрутил руки на груди. Он упорно смотрит в окно.

– Вы же не хотите, чтобы я устроил сцену и заорал на Джули на сеансе?

– Верно, не хочу. Но мне кажется, что вы разумный взрослый человек, способный контролировать себя и уважать других. Если эти сеансы вам никак не помогают, я уберу их из расписания. – Я сажусь за стол и роюсь в ящиках в поисках истории болезни Ричарда. – Что нам нужно сделать – так это вместе обсудить и выяснить, чего вы хотите достичь в результате лечения. И это предусматривает ответы на вопросы, чтобы оценить ваше психологическое состояние и все остальное. – Я трясу перед ним пустыми страницами. – И тогда я смогу подобрать для вас более подходящие групповые сеансы, и это поможет вам добиться намеченных результатов.

– Опять цели и результаты.

– Да. Большинство пациентов «Туфлоса» стремятся к успешному излечению.

– Ладно.

– Ладно? – переспрашиваю я. Голова болит так, что глаза готовы вывалиться из глазниц. Все, чего я хочу, – это прикрыть их и лечь на пол. – Займемся этим сейчас? Обсудим ваши цели?

– Я подумаю над тем, чего жду от времени, что тут сию.

С этими словами Ричард выходит. Я понимаю, что у меня снова ничего не получилось и я лишь позволила Ричарду перехватить инициативу и начать доминировать. Теперь, пока будет «размышлять», он не обязан посещать никакие сеансы, в том числе назначенные, и я несколько не приблизилась к тому, чтобы заполнить наконец историю болезни, и к тому же понятия не имею, что этот человек вообще здесь делает. Я глотаю две таблетки обезболивающего, запивая их большим глотком кофе, и готовлюсь встретиться с новым днем.

Прежде чем лекарство успеет подействовать, звонит телефон. Это Дэвид.

– Доброе утро, мой лучик утреннего света. – У него вполне счастливый, трезвый голос.

– Доброе утро. Пожалуйста, пусть будет так, что тебе ничего от меня не надо. Я умираю от похмелья.

– О, какая удивительная перемена. Все другие дни так не похожи на этот. Это ты стащила мои таблетки?

– Да. Ты поэтому звонишь? – Одной рукой я тру переносицу, а другой приглушаю звук в телефоне.

– Нет. Я звоню потому, что сегодня не захватил с собой ничего на ланч и хочу позвать тебя в это новое местечко на Риверсайд.

– Ты хочешь, чтобы я пешком дошла до Риверсайд-Драйв?

– Глупый вопрос, да?

– Да. Очень, очень глупый. Но можешь занести мне сэндвич, когда вернешься.

Я улыбаюсь. Не знаю, что бы я делала, если бы у меня не было Дэвида. С ним всегда можно просто потрепаться о всяком дерьме.

6 ноября, 18:14

Я сижу на крыше дома Лукаса вместе с Мавериком. Маверик одет в кашемировый свитер. Мы ждем, когда Лукас вернется с бутылкой вина, о которой он говорил раньше. Ему хотелось подняться на крышу и полюбоваться закатом до того, как часы переведут на зимнее время

и город станет погружаться во тьму уже в четыре вечера. Сегодня воскресенье, и кажется, у многих жителей дома возникла точно такая же идея. Аккуратно подстриженные зеленые изгороди отделяют нашу часть крыши от других, но я то и дело вижу, как то там, то здесь к небу поднимаются облачка сигаретного дыма.

Кругом возвышаются большие обогреватели для открытого воздуха, похожие на дилдо в шапках. Мы с Мавериком как раз сидим возле одного из них. Он устроился у меня на коленях, на огромном оранжевом шерстяном пледе с большой вышитой буквой «Н» в уголке. Лукас настоял на том, чтобы я захватила его с собой. Если бы у меня был плед от «Эрмес», я бы, скорее всего, вообще побоялась им пользоваться, чтобы не испортить – не говоря уже о том, чтобы вытащить его из дома туда, где может быть грязно и пыльно.

Из-за угла, от лифта, появляется Лукас. В руках он держит хрустальный декантер с бордовой жидкостью и два сияющих, безупречных бокала. Маверик не обращает на него никакого внимания и лишь уютнее зарывается носом в плед. Лукас устраивает небольшое шоу, картинно разгоняя дым, когда он проходит мимо курящей парочки. Как будто только ему одному позволено отравлять свои кристально чистые легкие.

– Вот то вино, о котором я тебе говорил за ужином на днях. Я думал о нем, и мне кажется, сегодняшний вечер идеально подходит для того, чтобы им насладиться.

– Звучит неплохо. – Я смахиваю с лица лезущие в глаза волосы и смотрю, как Лукас наливает в каждый бокал примерно по три глотка вина. Один он передает мне, а сам усаживается на стул, откидывается на спинку, кладет ноги на стол и погружает нос в другой бокал. Он закрывает глаза, делает глубокий вдох и велит мне сделать то же самое.

– Что ты чувствуешь? – спрашивает Лукас.

Я тоже сую нос в бокал и слегка покручиваю его в пальцах – Лукас показывал мне, как это делается. Пахнет вином. Это все, что я чувствую.

– Кожа, – говорю я. Я подслушала это у него же – так он иногда отзывается о красных винах. Потом вытаскиваю сигарету и сжимаю ее зубами. – И табак.

– Хорошо. Что еще?

Он действительно пребывает в иной вселенной, в претенциозном мире ценителей вин, где не существует такого понятия, как просто хлопнуть бокальчик. Там не пьют. Там получают наслаждение. Это серьезный процесс, требующий сосредоточенности и полного погружения в собственные ощущения. Я закуриваю сигарету. Лукас слышит скрежет зажигалки, немедленно распахивает глаза, снимает ноги со стола и в мгновение ока выхватывает сигарету у меня изо рта. Фильтр прилип к моим пересохшим губам, и вместе с сигаретой он отдирает кусочек кожи.

– Нельзя курить, когда ты пьешь марго восемьдесят шестого года! Ты же полностью убиваешь удовольствие! И для себя, и для меня! Господи, Сэм! Приди в себя, ради всего святого!

Он ругает меня так, словно я – глупый, вздорный ребенок, который не желает слушаться старших. Я съеживаюсь. Лукас смотрит на меня с разочарованием и презрением, и я ощущаю, что проваливаюсь в пустоту, в бездну, где ничего нет. Когда он не одобряет мои действия, мне кажется, что он становится огромным-преогромным, а я – совсем крохотной и незначительной. Он был так мил со мной сегодня, и надо же мне было все разрушить и изгадить.

– Прости, ты прав, конечно. Какие еще ноты там присутствуют?

Я облизываю кровоточащую губу, снова подношу к носу бокал и нюхаю вино. Но теперь все, что я чувствую, – это металлический привкус крови во рту, и, когда я делаю глоток, губу ужасно щиплет. Маверик чувствует мое напряжение и начинает беспокоиться. Он тревожно обнюхивает мой подбородок и рот и неловко пытается снова улечься мне на колени. Стараясь придержать его маленькие лапки, я случайно наклоняю бокал, и маленькая капелька вина падает на оранжевый плед. Мне кажется, что это происходит очень медленно, и я пытаюсь одновременно прижать к себе Маверика – его лапы скользят на гладкой кашемировой ткани – и перехватить каплю на лету. Мои уши горят, в них стоит гул, и я беспомощно наблюдаю, как марго

восемьдесят шестого года расплывается прямо на букве «Н». Я поднимаю взгляд и вижу, что Лукас тоже наблюдает за этой сценой. И без того разозленный, он с досадой роняет голову на грудь. Я не успеваю даже пробормотать извинения и промокнуть маленькое пятнышко рукавом свитера, как Лукас хватается декантер и уходит. Маверик слизывает вино. Я яростно оттираю его пальцами, но все бесполезно. Пятнышко еле заметное, но я знаю, что для Лукаса плед безнадежно испорчен. Я его испортила.

Я складываю плед так, как любит Лукас, засовываю его под мышку, беру сигареты и бокал в одну руку, а поводок Маверика в другую. Сердце бьется не в груди, а где-то в горле. Я отодвигаю стулья, ставлю их так, как они стояли, и собираюсь с духом, чтобы спуститься вниз и встретиться с Лукасом лицом к лицу. У него был идеальный план – мы пьем его идеальное вино, любим его идеальным закатом, а его идеальная собака спокойно сидит на его идеальном пледе, – а я все испортила. Не нужно было мне закуривать сигарету. Не нужно было проливать вино.

Я нажимаю кнопку лифта, и мой желудок скручивается в узел. Вхожу в кабину – она вся отделана зеркалами – и вижу страх на своем лице. Маверик присел мне на ногу; пока мы спускаемся, он не сводит с меня глаз. Адреналин стучит у меня в висках, пока мы идем по коридору к квартире Лукаса. И тут, перед дверью, я вижу, что на полу валяется моя сумка. Все ее содержимое рассыпано по ковру. Это более чем очевидное предложение выметаться. Я нагибаюсь, запикиваю свои вещи обратно, пристегиваю поводок Маверика к дверной ручке и осторожно ставлю на пол бокал. На секунду мне становится страшно, что Маверик захочет полакать вино и перевернет бокал, поэтому я залпом допиваю марго и возвращаю его обратно. И вкус у вина, надо сказать, совершенно обычный.

В сумке я замечаю пачку клейких листочков, с приставшими к липкой полоске ворсинками и табачными крошками. Нахожу в боковом кармане ручку с логотипом «Туфлоса» и пишу на верхнем листочке: «Сожалею, что испортила тебе вечер». Он грязноватый и закурчавился по краям. Потом отдираю записку и прилепляю ее к двери. Я глажу Маверика, целую его мордочку и чувствую, что на глаза набегают первые слезинки. Такое унижение все же лучше, утешаю я себя. Если бы Лукас оставил дверь открытой или пригласил меня войти, мне бы потребовалась потом пара недель, чтобы прийти в себя.

8 ноября, 11:03

Сегодня вторник, 11 часов, и Ричард должен прийти, чтобы просидеть час в моем кабинете. До сих пор на сеансах он не говорит практически ни слова и, только когда я прошу его сосредоточиться и поработать с опросниками, иногда выдавливая из себя что-то односложное или сердито отказывается отвечать. Я все еще побаиваюсь его, но уже меньше. Я пытаюсь показать Рэйчел, что могу справиться с Ричардом, что я – единственный психолог, способный пробиться сквозь стену, которую он построил, и в конце концов помочь ему, дать то, за чем он пришел. Мне нужно чувствовать ее постоянное одобрение, «получать пятерки». Это поддерживает меня на плаву.

Несмотря на то что я не хочу, чтобы день пропал зря, мои мысли этим утром где-то далеко. Я то и дело проигрываю в голове все, что случилось вчера вечером и как все могло сложиться иначе. И подумываю о том, чтобы на сегодня оставить попытки раскатать Ричарда ради еще пары ответов на вопросы. Пока что я достигла не большего прогресса, чем все мои предшественники, но сейчас просто не в силах биться над решением этой задачи.

Я едва замечаю, как Ричард входит в кабинет и садится вместе со своей неизменной стопкой газет. На сей раз он снимает кепку и, как обычно, осторожно кладет ее на газеты. Иногда он надевает твидовую кепку, иногда – обычную серую. Кажется, он тоже немного ко мне привык и в моем присутствии чувствует себя чуть свободнее. У нас уже было несколько

индивидуальных и несколько групповых сеансов. Порой он даже говорит мне «доброе утро». Но сегодня я вряд ли услышала бы его, если бы он поздоровался.

Через некоторое время он первый нарушает молчание:

– Вы сегодня другая.

– Нет, сегодня я абсолютно та же. Обычная Сэм, скучная, как дождь. – Я даже не поднимаю головы.

– А почему же вы тогда постоянно читаете одну и ту же страницу? Вы не переворачиваете ее уже двадцать минут.

– Я пытаюсь сконцентрироваться.

– На чем?

Это невероятно, он все замечает. Предполагается, что это Ричард здесь сумасшедший, а я как раз умею справляться с разбредаяющимися мыслями и фокусироваться на деле.

– Если вы не собираетесь заполнять анкеты или обсуждать цели лечения, то, пожалуйста, читайте свои газеты и дайте мне мирно и спокойно заняться своей работой, – тихо, мягко и побежденно говорю я.

– Я еще ни разу не видел вас мирной и спокойной.

«Да кто ты такой, мой психотерапевт? Ты никогда не увидишь меня спокойной, Ричард, так что лучше не смотри».

Мы продолжаем игнорировать друг друга. Я сижу и молча думаю, что же делаю со своей жизнью. Ричард вертится и ерзает в кресле, ему неудобно. Он вытягивает перед собой свою скрюченную левую руку, как будто хочет как следует ее распрямить, и шумно пыхтит. Это меня отвлекает.

– Вас что-то беспокоит, Ричард?

– Да. Что происходит с тем парнем из группы? Ну, на сеансе, который вы недавно проводили?

– Не уверена, что нечто происходит с Девонем. А почему вы спрашиваете?

– На сеансах он все время выворачивается, как акробат. Я отвлекаюсь. И он всегда в куртке, хотя там так жарко, что можно закипеть. И оставляет везде конфетти – куда бы он ни пошел. Мне рядом с ним с ним неудобно. Как мое состояние может улучшиться в такой обстановке?

Вероятно, Ричарду неудобно скорее из-за его огромных размеров, но лучше уж слушать, как он жалуется, чем молчит.

– О'кей, и что именно вы хотите, чтобы я сделала в этом конкретном случае?

– Не знаю. Вы тут мозгоправ, не я. – Он пренебрежительно машет рукой.

– Что ж, это скорее административная проблема. Или, может, даже проблема надлежащей уборки. Я могу попросить Девона, чтобы он воздерживался от своих упражнений во время групповых сеансов. Но вы должны помнить, что наше заведение имеет дело с людьми, которые страдают психическими расстройствами, соответственно, странности и отклонения в поведении неизбежны, и мы должны их терпеть.

– В пределах разумного.

– Да, Ричард, в пределах разумного, но драка с невидимым врагом не способна никому навредить. Возможно, нам стоит поговорить о вашей способности мириться с разочарованием.

– Да нормально я с ним мирюсь. Меня просто не интересуют занятия в одной группе с парнем в кожаной куртке, который разбрасывает везде конфетти и скручивается в бублик.

– Я вас услышала. Я попробую что-нибудь сделать и, если будут новости, непременно вам сообщу. Справедливо?

Ричард задирает брови – он явно не убежден – и опять утыкается в газеты.

– И еще он воняет. Так, сообщаю на всякий случай. – Последний пинок, и Ричард закончил.

9 ноября, 10:00

Дженни сидит в кресле для пациентов и нервно комкает подол рубашки. У нее долгая история, в которой было много насилия, и теперь каждый человек, обладающий хоть какой-то властью, ассоциируется у нее с опасностью и вызывает страх. В «Туффлосе» она не очень давно и все еще оправляется от даже не моральных, а вполне физических ран.

– Как у вас с соседкой по комнате? Все нормально? – Обычно я начинаю сеанс с чего-то несерьезного и не относящегося к делу напрямую. Таким образом пациенты немного привыкают к обстановке и легче переходят к обсуждению более болезненных тем.

– Ташондра? Она хорошая. Я думаю, мы хорошие соседки. Она очень чистоплотная и аккуратная и держит все свои вещи на своей стороне. И я тоже стараюсь делать то же самое. Она здесь уже давно, все знает и помогает мне привыкнуть к людям и врачам, и все такое. И еще она дает мне пользоваться своим лосьоном.

– Рада это слышать. Ташондра и вправду очень милая. И мне приятно знать, что тебе здесь удобно и нравится комната. Как ты чувствуешь себя после детоксикации?

Дженни пришлось пройти через процедуру очистки организма, прежде чем ее приняли в «Туффлос». Она была героиновой наркоманкой и испытала на себе все ужасы синдрома отмены.

– Лучше, но все еще не очень хорошо. Раньше мне было так плохо. Словами не передать. Герыч высасывает из тебя жизнь, а когда ты не можешь получить дозу, он высасывает из тебя еще больше. Я думала, что мне никогда не полегчает. Это страшно, когда у тебя ломка. Дико страшно. – Она обхватывает руками живот и раскачивается взад-вперед.

– Да, очень страшно. И ты очень храбрая и вообще большая молодец, что решилась пройти процедуру лечения, так что теперь у тебя никогда не будет ломки. Теперь, когда физическая зависимость под контролем, мы будем посвящать больше времени обсуждению психологической и эмоциональной зависимости от наркотиков. Я немного изменила расписание твоих групповых сеансов, чтобы включить туда еще и сеансы восстановления и сеансы для больных с двойным диагнозом. Как ты считаешь, ты к этому готова?

– А что такое двойной диагноз? – спрашивает Дженни, ковыряя незаживший шрам на голове.

– Двойной диагноз – это когда человек страдает одновременно от алкогольной или наркотической зависимости и вдобавок у него какое-либо психическое заболевание или расстройство. Когда ты борешься сразу и с тем и с другим – это уникальное стечение обстоятельств и это очень трудно, так что мы стараемся оказывать таким пациентам максимальную поддержку. Делаем все, что можем.

– О'кей, вроде звучит нормально. А о чем мы будем разговаривать на наших с вами сеансах? – Все это время Дженни потягивала рукава книзу, теперь она заворачивает их, и я вижу оставшиеся следы от уколов. Темные точки покрывают ее руки начиная от локтей и заканчивая чувствительными местечками между пальцами.

– Что ж. Сегодня я хотела начать с того, чтобы ты рассказала мне немного о том, как стала употреблять наркотики. Когда это началось, что ты попробовала... Как-то так. Ты готова?

– Да, я готова. – Она делает глубокий вдох и собирает то, что осталось от ее волос, в неаккуратный узел на голове. – Я начала принимать наркотики, когда была еще совсем молодой. Очень молодой. Даже маленькой. Я еще училась в школе, и меня выкинули в десятом классе, так что мне было лет двенадцать или одиннадцать, не больше.

Мамы никогда не было дома. Она работала на двух работах, а после этого шлялась по барам, и мы с сестрой все время сидели одни. Моя сестра, Джеки, на четыре года старше. Она постоянно приглашала к себе друзей и бойфрендов, они всегда торчали у нас. Сидели в ее

комнате и курили травку или сигареты или пили. И слушали музыку. А ее комнатой считался гараж.

Иногда я тоже заходила в гараж, когда она была там с друзьями. Просто сидела и пиялилась на них, но не курила и ничего такого не делала. Сестра была не против. Некоторые из ее друзей хорошо ко мне относились. Был там один парень в компании, которому я нравилась, наверное. Его звали Ронни.

Однажды – не знаю, где были все остальные, наверное, болтались где-то по дому – он подошел и сел со мной. Я сидела в углу, рядом с мусорным баком. И он спросил, курила я раньше траву или нет, а я сказала, что курила, хотя это была неправда. Просто мне не хотелось, чтобы он считал меня маленькой девочкой, которая ничего не знает.

Я молча улыбаюсь и вспоминаю, как я была маленькой девочкой в компании старших ребят и врала, будто что-то там делала. А на самом деле только видела, как этим занимались старшеклассники на вечеринках.

– И вот он дал мне косячок и сказал – докажи. Я затынулась, но слишком глубоко. Я-то думала, что это как курить сигареты, а сигарету я раз уже успела попробовать. И начала кашлять, так сильно... думала, задохнусь. А потом меня дико затошнило, я поняла – сейчас вырвет, и выбежала из гаража, и меня вывернуло прямо на подъездную дорожку. Ронни вышел вслед за мной и, пока меня рвало, растирал мне спину. Он сказал, что я все сделала отлично и теперь могу пойти и посидеть с ними. – Дженни смотрит на меня и грустно, ностальгически улыбается. – Сама не знаю почему, но тот вечер я помню очень хорошо. А после этого все как будто в тумане, все смешивается. Я стала сидеть в компании каждый раз, когда они приходили, и каждый день курить травку. Сначала боялась, слышала, что наркотики – это плохо, и все такое. Но все они говорили, что это растение, оно выросло из земли, это естественно, а вредны только химические наркотики. Послушать их, так мы не делали ничего плохого, это было совершенно нормально и естественно. Ронни всегда сидел рядом со мной и гладил меня по спине и по ногам.

Иногда мне было даже неудобно, потому что он был намного старше меня, но его внимание мне очень нравилось. И кроме того, я знала, что Джеки никогда не допустит, чтобы со мной случилось что-то плохое. А потом он начал приносить герыч. И они опять сказали, что героин делают из растения, того самого, чем посыпают бублики. Из мака. И что, типа, если я ем бублики с маком и со мной ничего не случается, то все нормально, потому что это то же самое. – Дженни фыркает и качает головой. – Поверить не могу, что я всерьез думала, будто герыч и мак на бублике – одно и то же.

Она продолжает рассказывать, как Ронни перевязал ее руку резиновым жгутом, потому что ремни, которыми пользовались они сами, оказались слишком большими для ее тонкого подросткового тела. Ее история так похожа на рассказы других здешних пациентов. Дженни быстро подседа и на героин, и на Ронни, и, конечно, через некоторое время ситуация кардинально изменилась. Ронни начал требовать кое-что взамен. С Дженни работали специалисты по десенсibilизации⁶, и она пересказывает все так спокойно, как будто зачитывает список покупок. Слово «изнасилование» потеряло свое страшное значение, и Дженни ровным голосом сообщает, как иногда Джеки заступалась за нее и предлагала, чтобы Ронни насиловал ее, а не двенадцатилетнюю сестру.

– Дженни, наше время на сегодня подходит к концу, так что я хотела бы остановиться и поблагодарить тебя за то, что ты нашла в себе смелость откровенно все рассказать. Думаю, стоит добавить тебе в расписание еще один групповой сеанс, для женщин, переживших сексу-

⁶ Десенсibilизация – методика уменьшения негативного напряжения, тревоги и страхов по отношению к пугающим и травмирующим объектам или ситуациям.

альное насилие. Там они вместе учатся справляться с тем, что с ними произошло. – Пока я говорю, Дженни бодро кивает.

Когда она поворачивается ко мне спиной и идет к двери, я вижу шрамы у нее на голове. Вырванные пряди волос. Следы от укусов на руках. Слава богу, алкоголь не оставляет никаких следов. Во всяком случае, меньше. Я думаю о том, как Ронни воспользовался ее беспомощностью, загнал в угол, посадив на героин, и не дал ей убежать. Я думаю о Лукасе. И о том, удастся ли мне уйти, сохранив при этом все свои волосы.

9 ноября, 16:46

Ричард продолжает жаловаться на Девона и его куртку; его прямо заклинило на этом, и он никак не желает оставить парня в покое. Сегодня он полдня распространялся о необходимости что-то сделать с этим человеком, и его курткой, и его конфетти. В расписании сеанс не значился; Ричард просто несколько раз заявлялся ко мне в кабинет и требовал, чтобы я предприняла какие-то действия. Я направлюсь к Ширли. Ширли – психолог Девона, так что она должна что-то знать.

– Ширли, что там такое с Девонем? Я имею в виду куртку. У меня пациент, которому она не дает покоя, и он меня уже замучил. Не спрашивай почему.

– С какой курткой? – Ширли пластмассовой ложечкой ест фруктовый салат из стаканчика.

– Ты что, серьезно? Ширли! Он носит эту куртку каждый день не снимая. Старая, потерянная байкерская куртка. Только не говори, что все это время ты ее не замечала. Повторяю – он надевает ее каждый божий день. И что это за конфетти, которые он везде разбрасывает? Каждый раз, когда у нас групповой сеанс, он оставляет после себя какие-то маленькие кусочки коричневой бумаги или краски, или я уж не знаю, из чего он их делает. Это ты заметила? – Я смотрю на ее кресло. Оно покрыто конфетти. И вообще всяким мусором.

– А... дерьмовая куртка.

– Что? Как ты сказала? – Я никогда не слышала, чтобы Ширли употребляла грубые слова. Для меня это все равно что увидеть, как милая, аккуратная бабулька опрокидывает шот виски. Или закуривает косячок. Что это еще за черт? – Ширли!

– Он носит эту куртку, потому что для него она как репеллент.

– Репеллент от чего? От кого?

– От людей. Это его дерьмовая куртка. Он научился этому, когда был бездомным. Он спал на улице, и к нему постоянно приставали хулиганы и изводили его. Ему нужно было как-то выживать, и поэтому он намазал спинку куртки дерьмом, чтобы от него воняло и люди к нему не лезли. – Она произносит это таким тоном, будто сообщает, что индейка готова. Ширли относится к этому совершенно равнодушно, ей все все равно. Я же готова выпрыгнуть из штанов от отвращения и изумления.

– О господи, Ширли! Так это засохшее дерьмо? Ты хочешь сказать, что эти конфетти на самом деле кучки хлопьев сухого дерьма?

Господи боже мой!

Я выскакиваю из кабинета, хлопнув дверью, и несусь в туалет. Яростно отскребая руки, я киплю от негодования. Кажется, из ноздрей у меня вот-вот повалит пар. Как вышло, что все мы каждый день убирали за Девонем дерьмо, а Ширли даже не потрудилась нас предупредить? Неудивительно, что Ричард так бесился из-за этой куртки.

Я сажусь за стол и строчу три имейла. Один – Рэйчел, с требованием конфисковать дерьмовую куртку, потому что она представляет собой гребаную биологическую опасность. Второй – главе клининговой службы, с просьбой произвести тщательную уборку всех помещений, где проводились групповые сеансы. И наконец, последний – всем коллегам, с информацией о

том, что коричневые хлопья, которые все они принимали за конфетти, на самом деле засохшее дерьмо, а на тот случай, если они забыли, – мы все окружены безумием. При моей насущной потребности самой не сойти с ума – или, можно сказать, необходимости верить, что все же существует некое разделение между мной и моими пациентами, – такие дни, как этот, заставляют радоваться, что действительно существует причина, по которой у меня есть ключи, а у них нет.

11 ноября, 8:36

– Доброе утро, Рэйчел! – жизнерадостно щебечу я, просачиваясь в ее кабинет и усаживаясь в кресло для пациентов.

– Доброе, Сэм. Ты сегодня очень бодрая.

Она расчищает место на своем столе для моих папок, чтобы мы могли начать кураторский сеанс. Рэйчел минимально контролирует персонал больницы, так как у нее совсем нет времени и она вынуждена верить, что все мы способны хорошо исполнять свои обязанности и справляться с трудностями. Как я уже говорила раньше, у нас наплыв новых пациентов; Рэйчел занята их размещением, заполнением файлов с исходными данными и так далее, поэтому она пока отложила традиционные кураторские сеансы и попросила просто обращаться к ней в случае, если возникнут какие-либо проблемы или вопросы.

– Я бодрая каждое утро, – уверенно вру я и сглатываю слюну – у меня страшная изжога от похмелья. Я надеваю очки для чтения и вытаскиваю из папки незаполненную историю болезни Ричарда. – Я решила, раз у нас сегодня совсем мало времени, стоит приступить сразу к делу.

Рэйчел кивает, отпивает кофе и разворачивается в кресле ко мне лицом. Затем скрещивает свои толстые лодыжки и делает мне жест, чтобы я продолжала.

– Мы с Ричардом Макхью встречаемся еженедельно по вторникам в одиннадцать ноль-ноль. Тут много говорили о том, что он не желает сотрудничать и все такое, но он всегда приходит на сеансы, и без опозданий. Он очень пунктуален. Судя по всему, ему нравится, когда все четко расписано. Но должна сказать, что во время сеансов Ричард действительно практически не идет на контакт. Он совершенно не желает отвечать на вопросы, чтобы я могла провести оценку психологического состояния, и сразу уходит в себя, как только я начинаю вытаскивать из него информацию.

– Во время сеансов ты чувствуешь себя нормально? Никакой опасности? – спрашивает Рэйчел.

– Абсолютно. Он ведет себя спокойно, никаких угроз или агрессии. Наоборот, он очень тихий и всегда настороже. Не представляю, что он может как-то мне навредить. Кажется, что, сохраняя молчание, он пытается себя защитить. Ему не хочется рассказывать свою историю.

– Тебе удалось установить, почему он сидел в тюрьме?

– Нет. На самом деле это серьезный пробел в его исходных данных. В графе «реабилитация» нет почти ничего. Только названия «домов на полдороге»⁷, где он провел какое-то время, но никаких контактов – ни телефонных номеров, ни имен кураторов или попечителей. Там есть названия тюрем, где он отбывал срок, и соответствующие даты, но больше никаких сведений. Все очень неясно. Есть несколько ксерокопий страниц с большими вымаранными кусками текста. Ничего об обвинениях и статьях, так что невозможно узнать, как он оказался за решеткой. А он, конечно, не жаждет мне об этом сообщать.

Рэйчел кивает.

⁷ «Дом на полдороге» (*англ.* halfway house) – учреждение социальной реабилитации для неблагополучных групп людей, например бывших наркоманов, заключенных и пр.

– Вообще-то это я заполняла анкету с исходными данными, и обнаружила то же самое. Нам предоставили крайне мало информации, но Ричард со странным упорством настаивал на том, чтобы его направили именно сюда. Он почти ничего мне не сказал, но был вежлив. Даже держался несколько чопорно, я бы сказала. Ричард – сплошной вопросительный знак. Я связалась с персоналом в «Ревелейшнз» и «Хорайзон-Хаус» – это те самые «дома на полдороге», но у них на него ничего не оказалось. Там просто дикая текучка, состав служащих постоянно меняется, а учет они ведут из рук вон плохо.

Рэйчел начинает шарить по столу и вытаскивать какие-то бумаги, обрывки листков, рыться в разного размера коробках. Она что-то ищет.

– А у вас были пациенты наподобие Ричарда? Я не совсем понимаю, в каком русле продолжать работать. Вы верно сказали, он – сплошной вопросительный знак, и я не знаю, какие групповые сеансы ему лучше назначить и как в принципе вытянуть из него хоть что-то. – Рэйчел любит, когда я прошу у нее совета.

– Я как раз ищу те самые исходные данные. Я дала ему анкету, он отказался ее заполнять, и тогда я просто вручила ему чистый лист и попросила написать что-нибудь о целях лечения, ну и все в таком духе. Он что-то накорябал, но я не помню, что именно.

Рэйчел отталкивает кресло – оно отъезжает на середину кабинета – и один за другим открывает забитые бог знает чем ящики стола, а затем копается в большом, так же захлапленном бумагами шкафу.

– Пока что продолжаю еженедельные индивидуальные сеансы, – говорю я, – и записала его на наиболее эффективные групповые сеансы, требующие интеллектуальных усилий. Наблюдаю за ним и надеюсь, что он постепенно привыкнет ко мне и станет доверять; возможно, тогда он вылезет из своей скорлупы.

Рэйчел меня уже не слушает; она ищет тот самый документ.

– А! Вот. Вот он. – Она вытаскивает лист с загнутыми краями из какой-то большой тетради. – Посмотрим. Может, это тебе поможет.

Я беру страницу и вглядываюсь в почерк Ричарда. Он писал тупым карандашом, и буквы получились расплывчатыми и нечеткими. Наверху даже есть заглавие: «Цели пребывания в «Туффлосе». Он обозначил несколько пунктов. «Стать лучше. Простить. Снова начать жить». Слово «Туффлос» написано несколько раз в разных местах; он как будто украсил им лист. Совершенно очевидно, что Ричард действительно хотел попасть конкретно в наше заведение. Есть еще несколько записей, но карандашный след размазался, и мне удастся прочитать только обрывки. Под другим заголовком, «Терапия», нацарапано что-то вроде «открыться» и еще одно слово. Кажется, «Саманта».

14 ноября, 12:34

Снаружи идет снег. Я сижу на углу стола и смотрю в окно. Рабочие на лесах продолжают трудиться, несмотря на перемену погоды. Было невероятно холодно, но, странным образом, когда пошел снег, немного потеплело. Как будто снег ткет одеяло, которое накрывает мир, и под ним уютно и безопасно. Снежинки – даже не снежинки, а хлопья снега – толстые и влажные; они быстро облепляют автомобили, припаркованные внизу. В городе снег сохраняет свою красоту всего пару часов. Как только появляются снегоуборочные машины, идеальное белое покрывало превращается в толстые серые слякотные сугробы, иногда чуть не до пояса высотой. Единственное, по чему я скучаю, когда вспоминаю свой родной дом, – это белизна нетронутого снега.

Моя дверь слегка приоткрыта, и из коридора до меня доносится болтовня пациентов. Кабинет находится напротив компьютерной комнаты, их любимого места, где они пытаются

прорваться на порносайты или просто собираются, чтобы потрепаться. Там стоят два ветхих дивана, и на одном всегда кто-то спит.

Я ясно слышу незнакомый мужской голос – видимо, кто-то прислонился к стене компьютерной комнаты. Бруклинский акцент и посвистывание – у говорящего отсутствует парочка зубов. Голос громкий и хриплый, но его обладатель старается говорить трагическим шепотом, наверное, чтобы придать своей истории больше выразительности и таинственности. Я подхожу прямо к двери, прислоняю ухо к щели и слушаю, оставаясь при этом невидимой.

– Это все бабы. Из-за баб ты попадаешь в такие вот места, чувак. Что бы ты ни делал – им никогда не угодить.

– Ты попал сюда из-за женщины? – Другой мужской голос, вроде знакомый, но я не могу определить чей.

– Да уж. Из-за своей бывшей.

– Что такого она сделала? – Кто бы ни был этот неизвестный рассказчик, он явно овладел вниманием своего слушателя.

– Ну, для начала она порвала со мной. Потом стала трахаться с моим лучшим другом. Угу, именно так. А любой знает, что это неправильно. Ну и у меня не было выбора. Я должен был вернуть ее обратно. Типа, не терплю, когда со мной обращаются с таким неуважением.

– И как ты это сделал? Как ее вернул?

Незнакомец начинает говорить еще тише.

– Прикончил эту суку.

– Ты ее убил? – выдыхает второй.

– Чувак, шшшшш! Заткнись к е... матери, ага? Ничего не расскажу, если ты будешь вопить как зарезанный.

– Как ты это сделал? – шепчет слушатель.

Я по-прежнему подслушиваю у дверей кабинета. Пока еще все это не слишком меня беспокоит – такие «страшные» истории здесь не в новинку. Многие пациенты относятся к психбольнице как к тюрьме и стараются выставить себя как можно более крутыми и ужасными – так они чувствуют себя в большей безопасности. Отсюда все эти выдуманные байки об убийствах и прочих зверствах.

– Ха. Я скажу тебе, как это сделал. У нее типа был дом в Бронксе, так? И она всегда выпускала свою собаку из задней двери во двор, побегать, поссать и все такое. И один раз ночью я подобрался к дому и дождался, пока выбежит псина. Как только я ее увидел, сразу перепрыгнул через изгородь и схватил.

Я слышу скрип подвигаемых стульев и звук шагов. История обретает новых слушателей.

– Сраная, паршивая, старая псина. У меня с собой была бутылка с зажигательной смесью, и я вылил ее всю на эту скотину. Она была такая тупая, что начала ее слизывать, прикинь? Просто взяла и стала слизывать зажигательную смесь. Но скоро перестала. Когда я ее поджег.

– Ни хрена себе! Ты не брешешь? Ты поджег чертову собаку?

– Точняк, поджег. Типа, она лает, визжит и все такое, а я беру ее и швыряю прямо этой суке в окно. Она пробивает стекло, и занавески загораются. И я слышу, как собака визжит, как хрен знает что, а потом слышу Алишу – она тоже начинает визжать. И она пытается погасить скотину, а та уже подышает, а огонь все больше и больше.

Он говорит громче, и я чувствую, как мои руки сжимаются в кулаки.

– И она такая: «На хрен собаку, надо уходить» – и выскакивает в заднюю дверь. А где я? Точно там и стою, ее поджидаю. На улице темно, она ничего не видит и врзается прямо в меня. А я хватаю ее и поворачиваю к дому мордой, чтобы видела, как он горит. И зажимаю ей рот, чтобы не орала. Вот так, понимаешь, да? – Я почти вижу, как другие пациенты вытягивают

шеи, чтобы рассмотреть, что показывает им рассказчик. – Тогда сука начала кусать меня за руку, но я засунул кулак ей чуть не в глотку.

Дом загорелся очень быстро. То есть, типа, реально быстро. Стало жарко, и из-за дыма почти ни фигу не видно, и я отволок ее подальше, в переулок за домом. Она вырывалась и брыкалась как бешеная, а потом поняла, что дом ей уже не спасти, и утихла. И просто смотрела, как он горит. Огонь трещал так, что уши от шума закладывало. А когда подъехали пожарные, вообще ничего не стало слышно, даже криков. И я такой вытащил руку у нее изо рта и говорю: «Вот что я делаю с теми, кто ведет себя как свинья».

– И никто тебя не увидел? Тебя не поймали?

– Не, чувак. Никто даже не знал, что мы там стояли. Тут она, конечно, начинает плакать и пускать сопли, умолять меня... ну, и я ее кончил. Просто перехватил ее шею и сжал посильнее. И она очень скоро сдохла.

Чем дольше я слушаю, тем сильнее мое лицо искажает злая гримаса. Меня с головой накрывает волна разочарования – ужасно противно, что слушатели с таким бурным одобрением реагируют на подобную идиотскую чушь. История, насквозь пропитанная социопатией, восхищение сверстников – мне никогда не понять этого дерьма. Мне приходится выслушивать такое уже много лет, и все больше кажется, что все это каким-то образом просачивается в меня, влияет на мое психическое здоровье. Я продолжаю подслушивать – некоторые уже пересказывают наиболее смачные куски другим, опоздавшим. И даже слышу хлопки ладоней – вроде «дай пять». А затем – хриплое быстрое дыхание. Так дышит человек в панике. И на сей раз знакомый голос – дрожащий от ярости. Тайлер.

– Ты поджег собаку этой женщины? И бросил ее в окно, и дом загорелся? – Тайлер явно слушал вместе со всеми, и он охвачен отвращением.

– Ну да, братан, и чё?

– «И чё»? Ты убил ее? За то, что она тебе изменила? – Тайлер говорит все громче и выше.

– У тебя проблемы, братан?

– Да. Да. У меня большая дерьмовая проблема.

– Привет всем! – Я открываю дверь и улыбаюсь, как будто не проторчала возле нее последние полчаса и ничего не слышала. – Что у вас тут интересного? Как дела? – Такое ощущение, что в воздухе коридора застыло напряжение, оно чувствуется почти физически, и некоторые пациенты предпочитают сбежать и укрыться на диванах, в безопасной компьютерной комнате. Глаза всех оставшихся прикованы к Тайлеру и рассказчику.

– Здравствуйте, я доктор Джеймс. Кажется, мы с вами еще не встречались. – Я протягиваю ему руку, но он не отводит взгляда от Тайлера и игнорирует меня. – Как вас зовут?

– Флойд. – Он все еще смотрит на Тайлера. Флойд примерно на фут ниже Тайлера, но тяжелее фунтов на шестьдесят.

Тайлера трясет от гнева.

– Мисс Сэм, не думаю, что вам стоит сейчас здесь находиться.

– В самом деле, Тайлер? – Бодро, непонимающе. – Это почему же?

– Этот человек не уважает женщин. – Тайлер переминается с ноги на ногу и то сжимает, то разжимает кулаки. Флойд застыл на месте. Не моргая, он пялится на Тайлера. Ждет, когда тот начнет действовать.

– Питчеры и кэтчеры переезжают в тренировочный лагерь через пару месяцев, ты знаешь, да? – Отвлечь Тайлера разговором о бейсболе, в частности о «Янки», – это мой единственный туз, способ разрулить опасную ситуацию без охраны и поддержки. – Флойд, а вы не фанат бейсбола, случайно? – Говоря это, я делаю шаг вперед и как бы естественно оказываюсь между ними. Воздух словно раскален; сильно пахнет потом. – Мы с Тайлером жить не можем без «Янки».

Я немного выше Флойда, и, когда стою перед ним, ему невольно приходится оторвать взгляд от Тайлера и посмотреть на меня. Я заслоняю его оппонента, так что он вынужден мне ответить.

– Да, я иногда смотрю бейсбол, мисс.

– Любимое хобби всей Америки. Прекрасный спорт. А теперь... – я хлопаю в ладоши, – где вы сейчас должны находиться, джентльмены? Уверена, что не торчат в коридоре, а заниматься чем-то полезным, верно?

Никто не отвечает, но несколько пациентов, наблюдавших за сценой из компьютерной комнаты, сползают с диванов и куда-то удаляются. Тайлер вроде бы немного остыл, но я еще чувствую его дыхание на своем затылке.

– Что, нет? О'кей, но у меня есть дела. Тайлер? Не хочешь пройтись со мной до зала для группового сеанса? – Мне известно, что Тайлер – джентльмен и никогда не позволит даме пойти куда-то одной, если она попросила ее сопроводить.

– Хорошо, мисс Сэм. – Чуть скрипнув зубами, он огибает меня и медленно идет по коридору. Я опускаю очки на нос и обжигаю Флойда яростным взглядом.

Мы с Тайлером не торопясь бредем по коридору, и я снова завожу разговор о бейсболе. Он не может сосредоточиться и отвечает невпопад, мямлит и бормочет, не в силах оторваться от ситуации, стряхнуть ее с себя. Мы добираемся до пустой комнаты для групповых сеансов, я вхожу и приглашаю Тайлера последовать за мной.

– Тайлер. Когда ты слышишь что-то наподобие этого и реагируешь, ты словно бы кормишь монстра, понимаешь? Он ведь и рассказал эту историю, чтобы привлечь к себе внимание, вытянуть из других реакцию. Давай не будем доставлять ему такое удовольствие, о'кей? Когда тебя кто-то беспокоит, просто уходи. Не слушай, не вступай в контакт. Найди меня или кого-нибудь из персонала, если чувствуешь, что не можешь этого вынести. Хорошо?

– Он убил собаку. Я просто голову потерял от ярости, когда он сказал, что убил ни в чем не повинную собаку. И эту леди, которая тоже ни в чем не виновата.

– Да, и я тоже, Тайлер. Я тоже. Но мы не должны впускать это в себя. Мы должны подняться и быть выше.

– Вы думаете, это все бред? Он все выдумал, чтобы напугать других пациентов?

– Может быть. Может, и выдумал. Но даже если он не убивал, как ты говоришь, ни в чем не повинную собаку и леди, которая тоже ни в чем не виновата, мы с тобой оба знаем, что в мире каждый день убивают невинных женщин и собак. Но мы не можем из-за этого рассыпаться на кусочки или вступать в драки. Ты здесь для того, чтобы заботиться о себе самом, а не беспокоиться о ком-то еще. Правильно?

– Да. Я знаю, что вы правы, мисс Сэм. Я здесь для того, чтобы беспокоиться о себе. И о «Янки», потому что в прошлом сезоне наши питчеры выступили так себе.

– Вот в этом с тобой точно не поспоришь.

14 ноября, 21:21

Я сижу на диване и жду, когда появится Лукас с едой – он обещал взять на ужин что-нибудь навывнос. Предполагалось, что он будет здесь еще час назад, но его все нет. Я пытаюсь читать книгу, и мне приходится закрывать один глаз, чтобы видеть слова. Я голодна и не могу сосредоточиться и все время проверяю телефон – вдруг Лукас прислал сообщение. Но нет, ничего. Полная тишина. Я сама отправила ему эсэмэс полчаса назад, с вопросом, когда он собирается прийти, но ответа не получила. И я снова и снова перечитываю одну и ту же страницу.

Мой бокал уже пуст, так же как и бутылка рядом с ним. Когда я на нервах, пью быстрее, чем следует. И хотя на улице мороз – этот ноябрь выдался холоднее, чем несколько преды-

дущих, я все равно пью белое вино. Аккуратно вытерев капли конденсата с кофейного столика рукавом свитера, на цыпочках иду к помойному ведру, бросаю туда все еще запотевшую бутылку и быстро скручиваю железную пробку со следующей. Лучше, если Лукас не будет знать, что я уже опустошила целую бутылку. Когда я крадусь обратно к дивану, телефон начинает вибрировать, и от неожиданности я спотыкаюсь о ножку столика.

Эсэмэс от Лукаса. *«Впусти меня, забыл ключ».*

Я пишу ответ. *«Сначала нажми кнопку домофона, не могу открыть, пока ты не позволишь».*

По всей квартире разносится громкая и сердитая трель домофона, и я нажимаю кнопку, чтобы открыть парадную дверь. На экране возникает изображение Лукаса, и даже на зернистой, некачественной картинке видно, что он в плохом настроении. Он хлопает ладонью по кнопке лифта, хотя обычно поднимается по лестнице – я живу на третьем этаже. Но когда пьян, или злит, или что-то несет, он пользуется лифтом. И сегодня вечером, кажется, причина и в том, и в другом, и в третьем. Я оставляю дверь квартиры слегка приоткрытой, возвращаюсь на диван, наливаю себе немного вина и жду, слишком сильно сжимая ножку бокала. Потом подтягиваю колени к груди и опираюсь на подушки.

Лукас едва ли не врывается в квартиру и тут же швыряет пакеты с едой прямо на пол. Затем ногой отпихивает их в кухню и сердито сдирает с себя пальто.

– По-моему, ты могла бы мне и помочь, – фыркает он.

Я вскакиваю с дивана и в качестве приветствия целую его в щеку. Подбираю пакеты, в которых лежит что-то безнадежно остывшее, и кладу их на стол. Лукас явно под наркотиками. Его волосы прилипли к затылку, а воротничок промок от пота. Он сжимает и разжимает зубы, а в уголках его рта скопились белые сгустки слюны. Кокаин. Больше он ничего мне не говорит и удаляется в ванную, чтобы привести себя в порядок. Я вешаю его пальто на спинку высокого барного табурета и проверяю карманы. Интересно, что я там найду?

Полупустая пачка сигарет рядом с нераспечатанной полной. Черная зажигалка Vic, сильно покоцанная снизу от открывания пивных бутылок. Чек из китайской закусочной с сегодняшней датой, пробитый два часа назад. Я засовываю все обратно и лезу в нагрудный карман. Свернутая в трубочку пятидесятидолларовая купюра – один кончик влажный, другой припудренный белым – и крохотный пакетик, в который как раз помещается грамм кокаина. От прилива адреналина у меня начинает жечь в желудке. Это я тоже возвращаю на место.

Я снова усаживаюсь на диван, отпиваю большой глоток вина, закуриваю и жду, когда Лукас спустит воду в унитазе. Обычно так он старается заглушить звуки, когда втягивает дорожку. Возможно, он взял с собой в ванную еще один пакетик. Мой дом – старый, и канализация в нем тоже старая. Однажды он так много раз нажал на слив, что унитаз переполнился и из него потекла вода. В тот день он вдул очень много дорожек. При этом Лукас почему-то считает, что я все еще не догадалась, зачем он так долго сидит в туалете. Наконец слышу характерный шум – слив воды – и из ванной появляется Лукас.

– Ф-фух. Извини за все это. – Он плюхается на диван рядом со мной. – Адски длинный день, и я еще тащу эту китайскую еду, не могу найти ключи... что-то я вышел из себя. Привет. – Он поворачивается и по-настоящему целует меня в губы. – Как прошел твой день?

От кокаина у меня немедленно немеет нижняя губа. Я отстранюсь и вытираю рот.

– Мой день был прекрасен. А как твой кокс?

– О-о-о, Сэм. Давай не будем начинать. – Лукас закатывает глаза и машет руками. – Я же говорю, у меня выдался очень длинный и трудный день, и мне надо было как-то прийти в форму и приободриться. У Брайана из офиса с собой было, и он дал мне пакетик, когда мы собирались уходить. Мы работали над очень сложной сделкой, крупное слияние, и мы ее вроде отпраздновали. Извини, что не сказал тебе, но я так и знал, что ты раздуешь из мухи слона.

Он тянется к моему бокалу и делает глоток. Наклоняется над кофейным столиком и ковыряет этикетку бутылки. На меня Лукас не смотрит. Я тоже ничего не отвечаю, молча встаю и иду на кухню, чтобы принести еще один бокал. Пусть пьет из своего. Прилив адреналина меня протрезвил, и мне кажется, будто я вообще не пила.

Лукас все еще сдирает этикетку, когда я возвращаюсь с бокалом, сажусь и наливаю ему вина. Себе я тоже наливаю, все так же молча, и откидываюсь назад. Я знаю, что под коксом он не сможет долго молчать, поэтому просто жду. На, возьми веревку и сам накидывай себе петлю на шею.

– Я ведь не пытаюсь тебе солгать, – начинает убеждать Лукас. – Да, мы сто раз обсуждали эту тему с коксом, и я говорил, что брошу, но, честное слово, в моем бизнесе без этого практически никак.

– Не знаю, в курсе ты или нет, но сейчас не восьмидесятые.

– Может быть, в том мире, где ты живешь, и нет, но в финансовом – это священное десятилетие. Все надеются, что те времена вернуться, и иногда мы ведем себя так, как будто мы там. И в этом нет ничего особенного, и никакого отношения к тебе лично это тоже не имеет.

– Зато имеет отношение то, что ты мне врешь.

Мы оба курим, и сигаретный дым висит в воздухе, как серое северное сияние.

– Ты права, я не должен тебе врать. – Лукас снова поворачивается ко мне, ловит взгляд и левой рукой сжимает мое колено, держа между пальцами окурочек. В другой руке он держит бокал с вином и все время делает маленькие, хлюпающие глоточки. Между ними он поглядывает на меня совершенно сумасшедшими глазами. Затем его ладонь перемещается на мое бедро и поглаживает его.

– Почему ты сегодня приехал так поздно? – спрашиваю я.

– Потому что мы с Брайаном нюхали кокаин, Сэм. Сколько раз тебе еще объяснить? Не надо подвергать меня показательной порке, я ведь уже все признал. Играй сколько хочешь в «детектива Сэм», ничего нового ты не узнаешь. – Он отдергивает руку, и на моих штанах остается пепел от его сигареты.

Примерно тридцать секунд я вела в счете и находилась в выигрышном положении – пока он извинялся. Теперь я вижу, что Лукас ускользает, а я словно падаю вниз и закатываюсь под диван. Он делает много чего, что мне не нравится, и много врет, но почему-то из всего этого я решила заикнуться именно на кокаине. Из мантры Спокойствия я усвоила, что на свете есть вещи, которые мне изменить не дано, но по какой-то причине мне кажется, что пристрастие Лукаса к кокаину к ним не относится. Если двигаться маленькими-маленькими шажками... однажды я наберусь сил и сумею его остановить. Удержать от этого и всего прочего вреда, который он причиняет и себе, и мне.

Чувствуется, что Лукас понемногу начинает накручивать себя, злясь, что я его застукала. Я уже мысленно разрабатываю стратегию отступления, но он вдруг вскакивает и протягивает мне руку, чтобы помочь встать с дивана.

– Почему бы нам чего-нибудь не съесть? На кухне стоит вся эта китайская еда. Давай перекусим и забудем про это дерьмо. Как будто ничего не было. О'кей?

Он как клешнями вцепляется в мое запястье и тащит меня на кухню. Затем вынимает две тарелки из шкафчика над раковиной и шлепает их на стол. Лезет в пакет из закусочной и выгружает две белые картонные коробки. Отпускает наконец мою руку и с силой отбрасывает ее, так что она ударяет меня в бок. Вываливает на тарелки лапшу ло мейн и цыпленка с кунжутном. Каждый раз, когда Лукас вытряхивает что-то из контейнера, он бесится все больше и больше; я прекрасно это вижу и начинаю потихоньку пятиться из кухни в комнату.

– Какого хрена? Куда ты пошла? Ты попросила меня приехать и привезти еды, и вот он я, готовлю ужин для нас двоих. Не надо выскальзывать отсюда как змея и делать вид, что ты ни

при чем и не испортила наш вечер своими идиотскими обвинениями и поганым шпионством. На. – Он сует мне тарелку с холодной едой. – И теперь ешь. Ты ведь этого хотела, так?

Свою тарелку он оставляет на столе и медленно наступает на меня, склонив голову. Его брови яростно нахмурены. Я держу тарелку перед собой, как будто это преграда между нами, и продолжаю пятиться.

– Спасибо за то, что принес поесть, но я не портила вечер. Это ты заявился с опозданием на несколько часов, к тому же под коксом. – Еще шаг назад.

– Значит, это я испортил вечер? – рычит он.

– Послушай, ничего еще не испорчено... – как можно убедительнее начинаю я, но, как только Лукас нагоняет меня, он вышибает тарелку из моих рук, и лапша, цыпленок и осколки фарфора разлетаются по полу. Он ногой отбрасывает все это безобразие в сторону и нависает надо мной. Я упираюсь ладонями ему в грудь и пытаюсь оттолкнуть, но он огромный и слишком злой. Он возвышается надо мной, как гора.

– Ударь меня, – спокойно произносит он и криво улыбается. – Ну, ударь. За то, что я все изгадил. Я испортил ужин, ведь так? – Он уже орет, не стесняясь, и пихает меня грудью, так что я врезаюсь спиной в стену. – Давай, бей меня! – Лукас показывает на свою челюсть и ребра и снова толкает. Теперь я зажата между ним и стеной, и мне никак не выбраться.левой рукой я нащупываю дверь туалета и пробую открыть ее, но его здоровенная ладонь находит мою и не дает повернуть ручку. – Ударь меня! – Другой рукой он хватается за горло и сдавливает. – Ударь меня!

16 ноября, 21:14

Я в «Никс-баре», разговариваю с приятелем. Хотя мне и говорили раньше, что он очень сексуальный и вообще само очарование, отчего-то до этой самой минуты я его не замечала. Он стоит напротив, и мы вовсю флиртуем. Все остальные наши знакомые тут же, у меня за спиной, стиснуты со всех сторон возле будки диджея. Он смотрит на меня абсолютно обворожительными глазами – боже, как же я не видела их! – и мне кажется, что вселенная словно сдвинулась с места, а в животе у меня порхают бабочки. Он просто пожирает меня взглядом, и мне не хочется, чтобы Он останавливался.

Он игрок, то есть, попросту говоря, бабник – всем нам это известно. И я тоже всегда это знала. Только вчера я сама наблюдала, как Он склеил здесь же девицу, едва вышедшую из подросткового возраста. Да и вообще Он всю жизнь хватается все, что плохо лежит. На него западают все женщины; я смеюсь над ними и надеюсь, что они не забывают про презерватив. Я хихикаю над девчонками, которые готовы разорвать Его на куски за то, что Он трахнул их и сбежал – Его обычная тактика. Однако мне казалось, что у Него хорошая душа – а сейчас я этого не чувствую. Все, что я вижу перед собой, – это Мужчина. Мужчина, который может перевернуть мой мир с ног на голову, всего лишь уделив мне малюсенькую капельку внимания.

Кто-то держит в руках телефон и снимает все на камеру, и, конечно, это большая проблема, потому что все в баре знают Лукаса, а я встречаюсь с Лукасом и должна думать о Лукасе, но в данный момент я даже не помню его имени. Я рассеянно играю с шарфом, что повязала на шею, чтобы скрыть синяки от позавчерашнего вечера. Очень тесно; мы все толкаемся локтями, постоянно щелкают камеры мобильных, и кто-то обязательно выложит фотки в «Инстаграм», и тогда моя неверность выплывет наружу, я окажусь плохой девочкой, которая во всем виновата, и Лукас бросит меня, и я останусь одна... а я этого не выдержу.

Поэтому я изо всех сил делаю вид, что не испытываю никаких чувств – ни жара, ни страсти, ни бешеного желания, что пульсирует сейчас в моих венах, в груди, внизу живота... нет, ничего этого не происходит, убеждаю я себя. Разумеется, Он приближается ко мне вплотную, чтобы нас сняли вместе, и вдобавок целует в щеку для фото.

Между нами и общими знакомыми не более чем четверть фута, но из-за того, что все посетители бара сжаты, словно сардины в банке, никто этого не замечает. Как и того, что Он просовывает руку и сжимает мою грудь. Я просто умираю, и Он это знает, и мне так нравится, как Он это делает... все, чего я хочу, – это стоять вот так, и пусть кто-то фотографирует, а Он шарит ладонями по моему телу, везде, везде, и потом увезет отсюда и сделает меня другим человеком, который будет гораздо лучше и никогда-никогда в жизни не оставит.

Потом все почему-то прекращается, и вот, не заметив как, я уже на улице и иду домой. Когда мы прощались, Он поцеловал меня в губы. Но мы все вечно целуемся в губы при встрече или когда говорим «до свидания», так что для того, кто заметил, это ничего не значит. Но раньше мы с Ним никогда так не целовались, и теперь мои губы горят огнем, и я ощущаю всепоглощающий вкус Мужчины и тащусь домой к Лукасу, но хочу развернуться и броситься к Нему в объятия, но тогда Лукас оставит меня, а я так не могу. И все-таки мне необходимо увидеться с этим парнем еще раз. Когда мы сможем это сделать? Для меня это уже миссия, я должна ее выполнить, и не важно, чего это будет стоить. Кстати, зовут Его Эй Джей. Даже не знаю, что это означает.

18 ноября, 12:03

Мы с Дэвидом сидим в его кабинете, едим ланч и прячемся от мира. Обычно он приносит что-нибудь из дома, и заканчивается все тем, что я краду у него половину. Или – иногда – мы идем в один из сэндвич-баров, которых так много на нашей улице. На углу всегда стоит фургончик с едой «халяль», и сегодня мы оба взяли себе рис с курицей. Как правило, мы обедаем в то же время, что и пациенты, и не важно, голодны мы или нет; просто так меньше шансов, что кто-то может заглянуть или припахать к какому-нибудь делу.

– Ты сегодня видел Джули на утреннем совещании? – спрашиваю я, ковыряя в зубах пластиковой вилкой.

– Да, видел. А что такое? Что она сделала?

– Она сидела и красилась прямо за сраным столом. И смотрелась при этом в зеркальце в пудренице «Шанель».

– Это имеет какое-то огромное значение?

– Она работает в психбольнице! Почему ее так заботит, как она выглядит? Это же просто смешно. Смешно и жалко.

Дэвид смеется.

– А ты кроме шуток ее ненавидишь, а?

– Я никого не ненавижу. Просто я думаю, что она глупая и ей здесь не место. Ей надо работать в «Блумингдейлз»⁸.

– Ты никогда не бывала на ее групповых сеансах?

– Ни на одном. А ты?

Дэвид редко участвует в наших с Джули «беседах» – то есть идиотской болтовне и сплетнях, потому что он взрослый, зрелый мужчина и выше всего этого. Поэтому мне нравится, когда он снисходит до моего уровня.

– Я был. На том самом, где твой пациент выскочил из комнаты как ошпаренный. Ну, новый парень. Здоровенный такой.

– Ричард? Тема свеклы?

– Ха-ха! – Дэвид хохочет, и зернышко риса вылетает из его рта и прилипает к оконному стеклу. – Именно, – подтверждает он и вытирает губы. – Она очень деликатно пыталась объяснить, что некоторые виды пищи могут изменить цвет какашек и писулек, а он аж подпрыгнул и

⁸ «Блумингдейлз» (англ. Bloomigdale's) – один из старейших и крупнейших универмагов Нью-Йорка.

рванул к двери. Я думаю, собственно, смысл ее речи был в том, что некоторые люди начинают паниковать, когда видят, что их дерьмо вдруг покраснело, думают, что это кровь. Ну и таким образом она пыталась заранее предупредить их, чтобы они в случае чего не тревожились.

– Конечно-конечно. Это имело бы смысл, если бы здесь хоть когда-нибудь давали свеклу. Вот же дура! Такая вся из себя принцесса. Говорю тебе, ее тут быть не должно.

– Да, Рэйчел попросила меня присматривать за Джули, потому что на нее поступают жалобы.

– Правда? Как замечательно! Может быть, «Туфлос» решит сделать мне подарок на Рождество заранее и уволит ее? – Я радостно запикиваю в рот кусок курицы.

– Ага. Только не жди, затаив дыхание, а то задохнешься. Кстати, как вообще этот новый парень? В прошлый раз, когда мы о нем говорили, ты сказала, что дело не движется.

– Ничего нового. Я так ни хрена и не добила. Это здорово сбивает меня с толку. Он вполне дееспособный и кажется абсолютно нормальным человеком... что он здесь делает? Почему его нужно лечить?

– Какой у него диагноз?

– Ага, хороший вопрос. Можно подумать, в его истории болезни есть диагноз. Тогда все было бы слишком легко.

– Думаешь, ему вообще можно поставить диагноз?

– Если бы мне нужно было кровь из носу это сделать, допустим, для страховки или вроде того, я бы поставила расстройство приспособительных реакций⁹. Но это с большой натяжкой. Тут должно быть нечто очень важное, что совершенно от меня ускользает. Слишком странно, что его приняли в психбольницу. Не считая того, что он не желает общаться и отвечать на вопросы, и еще дикого упрямства, я не вижу в нем ничего ненормального.

– Хочешь, я с ним встречусь? Посмотрим, может, мне придет в голову какая-нибудь светлая мысль.

Дэвид всегда готов прийти на помощь. Так сказать, пробежать за меня лишнюю милю. Это удивительно.

– Нет, спасибо. Но приглядывай и за ним тоже, если можно, – вдруг заметишь что-то полезное.

Дэвид улыбается – у него очень милая, хотя и немного покровительственная улыбка – и неловко треплет меня по колену. Он отворачивается к окну, а я пытаюсь проникнуть в его мысли. И посмотреть, нет ли внутри его местечка, где могла бы уместиться и я.

22 ноября, 11:06

Несмотря на то что мы так никуда и не продвинулись с историей болезни, Ричард, кажется, чувствует себя наедине со мной вполне комфортно. Может быть, он даже начинает мне понемногу доверять. Теперь он даже разговаривает со мной – правда, не о том, что было бы для меня полезно, то есть не о том, что касается его психического здоровья, – однако, по крайней мере, произносит слова вслух. Он рассказывает мне о книгах, что прочитал, или о тех, о которых много слышал, но пока еще до них не добрался. Я, в свою очередь, просвещаю его насчет того, что нового произошло в музыкальной индустрии, и перемены ему страшно не нравятся. Сегодня у нас очередной сеанс, и мы постепенно оттаиваем, настраиваемся друг на друга.

⁹ Расстройство приспособительных реакций (расстройство адаптации) – состояния субъективного дистресса и эмоционального расстройства, препятствующие социальному функционированию и продуктивности и возникающие в период адаптации к значительному изменению в жизни или стрессовому жизненному событию.

– У вас есть сотовый телефон? – интересуется Ричард. Этим утром он не побрился, и я вижу светлые волоски бороды, пробивающиеся сквозь расширенные поры.

– Да, у меня есть телефон. А почему вы спрашиваете? – Мои ноги скрещены, а кресло развернуто к Ричарду. Так мы обычно сидим, даже если сеансы проходят в молчании. Это известный терапевтический метод. Людям неудобно сидеть в полной тишине, так что, если психолог устраивается так, чтобы смотреть в лицо пациенту, как будто они разговаривают, очень часто тот чувствует себя обязанным что-то сказать.

– Вот это стало для меня настоящим шоком. Меня ведь не было, когда появились эти штуковины. А теперь они есть у всех, даже у бездомных.

– Вы были в тюрьме, когда мобильные телефоны стали популярны?

В первый раз за все время он упомянул свое заключение, и я, разумеется, хочу вытянуть из него побольше информации.

– У нас не было даже персональных компьютеров. А сейчас у каждого в кармане супер-компьютер.

– А в тюрьме у вас был доступ к компьютерам?

– Телефоны теперь даже более продвинутые, чем компьютеры.

Так. Эту тему разговора он развивать не желает.

– Это правда. С ними людям стало гораздо проще общаться. – Намек.

– Не только общаться. Все стало проще. В современных телефонах есть камера, Интернет, почта. Можно даже читать в них книги! Раньше все эти вещи, если их сложить, заняли бы целый чемодан. А сейчас все умещается в одном телефоне. А он всего-то вот такой. – Ричард раскрывает свою широкую ладонь, чтобы показать, какого размера нынешние мобильные телефоны. – Чудо современной технологии.

Ричард с изумлением качает головой и возвращает свое внимание газетам. Может быть, мне удастся вытащить его из норы, если я расскажу о Девоне и деле с дерьмовой курткой?

– Прежде чем вы отключитесь окончательно, я бы хотела вам сообщить, что постаралась разобраться с вопросами, которые возникли у вас с Девонном.

– Да? – Ричард выжидающе приподнимает брови.

– Я попросила его психолога заняться проблемами, которые вы мне обозначили, включая гигиену и неподобающее поведение на сеансах групповой терапии. Все было передано лично Девону. Он понял. Я, в свою очередь, надеюсь, что вы проявите понимание и терпение, пока он будет привыкать к новым правилам.

– Ну... спасибо.

– Это обещание на время оставить парня в покое?

– Не совсем.

– Что же тогда?

– Это спасибо. Я никому не говорил спасибо уж и не знаю, сколько времени. Я оценил, что вы отнеслись к моим просьбам всерьез и помогли. – Ричард слегка кланяется.

– Может быть, в ответ на то, что я отнеслась к вашим просьбам всерьез, вы сделаете то же самое? Уважение за уважение. Поработаем над вашей историей болезни? – Последняя попытка на сегодня.

Его взгляд снова фокусируется на газетах. Ричард стряхивает что-то со щеки тыльной стороной руки, как будто отмахивается от моей практически мольбы.

В груди у меня становится тесно, и я еле выдавливаю из себя очередной разочарованный вздох. Прошел почти месяц, а все, что у меня есть, – это базовые данные. И я уже не знаю, какой еще придумать способ пробить эту броню. Моя фантазия иссякла.

23 ноября, 14:14

Джули разыскивает меня с помощью интеркома. От ее тоненького, пронзительного голоска мои барабанные перепонки вот-вот взорвутся – так мне, во всяком случае, кажется, – и я как можно скорее беру трубку и держу ее на расстоянии не меньше фута от уха.

– Да, Джули? – невнятно произношу я со своей безопасной дистанции. – Тебе что-то нужно?

– Привет, Сэм! – Я боюсь, что ее голос, словно приторный сироп, сейчас выльется из трубки и протечет мне прямо в горло. Она делает паузу, ожидая, что я отвечу таким же жизнерадостным приветствием, но я молчу. – Э-э-э... я хотела спросить, не найдется ли у тебя минутка заглянуть ко мне в кабинет? У меня сейчас сидит одна твоя пациентка. Во время группового сеанса у нас случилось маленькое происшествие.

Слова «маленькое происшествие» Джули произносит так, словно речь идет о девочке из ясельной группы, которая во время полуденного перерыва на сон намочила штанишки.

– Какая пациентка?

– Ташондра. – Она медленно, едва ли не по слогам выговаривает сложное имя. Боится, что, если исказит его, ее обвинят в расизме или в том, что она не знает имен пациентов или не умеет устанавливать контакт с людьми.

– Хорошо, буду через минуту. – Я даю отбой до того, как она обольет меня еще ведром своих сиропных «приятностей», и медленно направляюсь к ее кабинету.

Я громко стучу в дверь и внезапно осознаю, что, хотя мы с Джули работаем уже несколько лет, мне ни разу не приходилось бывать у нее в кабинете. Дверь распахивается, и я вижу Ташондру. Она сидит на голубом пластмассовом стуле, какие мы используем в залах для групповых сеансов (похоже, в заведении не нашлось нормальных офисных кресел для Джули), и выражение лица у нее пристыженное. Джули жестом приглашает меня внутрь, я вхожу и осматриваюсь.

Здесь нет ни книг, ни папок с файлами – словом, ничего, что говорило бы: это кабинет врача. По крайней мере, на виду. Зато на книжной полке сидит большой медвежонок в зеленом свитере от «Ральф Лорен». И стоят фотографии родных Джули в белых деревянных рамках, с вырезанными на них дурацкими слащавыми цитатами о сестринской дружбе и любви. Она закрывает за мной дверь, я слышу звон колокольчиков и оборачиваюсь посмотреть, что это такое. На двери два крючка: на одном висит светло-бежевое шерстяное пальто Джули с розовым клетчатым шарфом, а на другом – пухлый веночек из ткани, украшенный кружевами и бубенчиками. Последней каплей становится искусственно состаренная деревянная пластина в рамке, разрисованная цветами, со «старинным» шрифтом. «Живи, Смейся, Люби», – выгравировано на ней. К горлу у меня подступает комок; это непереваренный ланч грозит вырваться наружу. Сдерживая тошноту, я несколько колеблюсь: может, все-таки сблевать Джули на голову? Прямо на идеальную укладку. Должно быть, выражение отвращения на моем лице слишком очевидно – Джули берет меня за руку и спрашивает, все ли со мной в порядке.

– Сэм? Все нормально?

Я выдергиваю руку, протискиваюсь мимо и сажусь за ее стол. Где-то прячется электрический ароматизатор воздуха, и в кабинете пахнет детской присыпкой.

– Ташондра? – Ташондра наклоняет голову, и я тоже, пытаюсь поймать ее взгляд. – Не хочешь рассказать мне, что произошло?

– А мисс Джули не может вам сказать? – Она закрывает лицо ладонями. Ее волосы где-то заплетены в косички, а где-то спутаны в дреды. Все они разной длины и толщины. Некоторые торчат вверх, некоторые падают прямо на глаза. Когда Ташондра нервничает, она крутит и дергает их, а если у нее хорошее настроение – перевязывает концы разноцветными ленточками

и шнурками. Сейчас она потягивает косичку возле левого виска, с вплетенной в нее желтой шерстяной ниткой.

– Мне бы хотелось услышать это от тебя, если ты готова об этом поговорить. Узнать твое мнение о том, что случилось.

Ташондра в конце концов выдергивает нитку из косички и шумно выдыхает, как бык, готовый броситься в бой.

– Я сижу на групповом сеансе у мисс Джули, никого не трогаю и вдруг ни с того ни с сего поднимаю голову и вижу, что Барри пялится на мисс Джули, и не просто так пялится. Я точно знала, о чем он думает.

– И о чем он думал? – спрашиваю я.

Джули маячит рядом и краснеет, услышав свое имя.

– Он думал, что... он хотел впиться зубами в ее ляжки! Вот какие у него были мысли! – Она показывает на обтянутые колготками с лайкрой ноги Джули, еле прикрытые юбкой. Этот предмет одежды только с натяжкой можно назвать подходящим для работы. Джули невольно наклоняется и прикрывает колени руками.

Я не могу удержаться от улыбки.

– И что ты тогда сделала?

– Кинула в него кофейной чашкой. – Ташондра откидывается назад и скрещивает руки на груди. Лифчика на ней, как обычно, нет, и она запикивает свои отвисшие груди под мышцы.

– А в чашке был кофе? – Я уже почти смеюсь.

– Нет! Она была пустая. Надо было подойти и врезать ему по морде.

– А что у вас с Барри? Отношения?

– Ну, теперь уже ничего! Но до того, как он повел себя неподобающе с нашим психологом, мы типа встречались. Ну там, пару недель. На той неделе он притащил мне цветы – спер со столика из столовой. А еще до этого отдал мне свои сигареты – что в пачке оставалось. Говорил, что я вроде самая красивая девушка, каких он только видел. Мы вместе обедали и вместе курили на балконе. Но все. Теперь все кончено, и точка.

– А еще что-нибудь между вами было?

В «Туфлосе» сексуальные контакты между пациентами строго запрещены, хотя контролировать соблюдение этого правила практически невозможно. При постоянно растущем числе больных трудно даже отследить, где кто находится, не говоря уже о том, кто что в данный момент делает. Пациенты занимаются сексом ночью со своими соседями по комнатам – и не важно, гомосексуалисты они или нет, в душевых кабинках и даже на балконе для курения, прямо среди бела дня. Уже много раз Ташондру изолировали и помещали в отдельную палату за непопозволенный секс, но Барри никогда не был ее партнером.

– Не. Я знаю, что нам нельзя ни с кем трахаться, пока мы тут лечимся. – Она крутит в пальцах желтую нитку, и я верю, что у них действительно не было секса. Кажется, он ей дорог, а Ташондра редко занимается этим с теми, кто ей дорог.

– Очень хорошо. Рада, что в этой области мы достигли некоторого прогресса. И ты ведь знаешь, что нельзя бросаться предметами в человека, даже если он смотрит на другую девушку, так?

– Да, знаю. – Она вдруг с силой швыряет нитку на пол. – Он еще принес мне эти нитки, вплетать в волосы.

Я подбираю нитку и сжимаю в кулаке.

– Ташондра. Я знаю, как это больно, когда человек, который тебе нравится, смотрит на кого-то другого. Но очень важно реагировать на это правильно и адекватно. Ты ничего не хочешь сказать Джули?

Все это время Джули нависала над нами, как мальчик, разносящий воду, над разомлевшим рабочим в часы сиесты. Слушая наш разговор, она даже приоткрыла рот, но теперь, когда было упомянуто ее имя, она резко выпрямляется и берет себя в руки.

– Извините, что на меня напала ревность во время вашего сеанса, мисс Джули. Понятно, люди на вас смотрят, потому что вы красивая, и я знаю, что не должна из-за этого бросаться чашками или еще чем-нибудь. – Ташондра дергает свои дреды.

– Спасибо, Ташондра. И я считаю, что ты тоже очень красивая.

Ташондра смущенно улыбается, краснеет и прикрывает плечом рот.

– Поговоришь об этом с Барри? – интересуюсь я.

– Ну да. Наверное, можно его и простить.

– Приятно это слышать.

Я отдаю ей желтую нитку, и она наматывает ее на кончик дреда, который закрывает ей один глаз. Мы вместе выходим из кабинета, и я глубоко вдыхаю кажущийся невероятно свежим коридорный воздух, чтобы избавиться от навязчивого запаха ароматизатора Джули. В дни вроде этого я реально чувствую себя зрителем зоопарка и одновременно восхищаюсь и ужасаюсь себе – сколько же дерьма я могу вытерпеть?

26 ноября, 0.45

И вот я снова в «Никс-баре». Жду, когда появится Дэвид. Вообще-то мы пришли сюда вместе с Лукасом, но он так напился, что не может функционировать, как нормальная личность, и, приземлясь где-то в конце барной стойки, пялится в телефон, пока я болтаю со знакомыми. Все в баре считают нас с Лукасом идеальной парой, и мы вынуждены танцевать сложный и изящный танец под эту музыку всеобщего мнения. Мы никогда не говорили на эту тему, но оба в курсе и молча дружно делаем все, чтобы соответствовать образу. И даже если я боюсь, что когда-нибудь, когда мы останемся наедине, он все же меня убьет, перед остальными мы разыгрываем великолепное и очень правдивое представление. Оно нужно нам, чтобы притворяться перед самими собой, будто у нас все хорошо и что вдвоем мы – совершенство; маяк семейного счастья и благополучия, что сияет над обломками чужих неудач в личной жизни. Это дает некоторую надежду на лучшее, а моя работа как раз и состоит в том, чтобы давать надежду на лучшее.

Если бы я сказала нашим приятелям, что Лукас бьет меня, или что сегодня днем он трахался с безымянной проституткой, лица которой даже не запомнил, в комнате за порномагазином, или что сейчас он жадно заглатывает оксикодон¹⁰ в туалете, это испортило бы им настроение на весь вечер, а я конечно же этого не хочу. То, что нас с Лукасом воспринимают как идеальную пару, помогает мне верить, что так оно и есть. И это одна из последних ниточек, которая связывает мою жизнь, не давая ей развалиться на куски.

Дэвид только что вошел в бар. Он осматривает помещение, пытаясь найти меня. Я машу ему рукой – в другой у меня стакан с виски-колой. Наверное, Дэвид – единственный человек, который знает правду обо мне, правду о Лукасе и часть правды о нас с Лукасом как о паре. Наши кабинеты разделяет тонкая стена, и он, конечно, слышит все, что у меня происходит. Когда меня рвет в корзину для бумаг или я рыдаю над кофе, Дэвид, как правило, задает вопросы. И все эти годы, вместо того чтобы лгать ему, как остальным, я постепенно впустила его в свою жизнь. И он ни разу не использовал это против меня.

Дэвид – мой лучший друг. Не просто лучший друг по работе, а самое большое приближение к тому, что другие люди в реальности называют лучшим другом. Я никогда не спала с ним, хотя, может быть, и следовало бы. Он неравнодушен ко мне, я это чувствую и флиртую с

¹⁰ Оксикодон – обезболивающий препарат, полусинтетический опиоид. Иногда заменяет морфин.

ним, а иногда подшучиваю над ним – ровно настолько, чтобы поддерживать его в этом состоянии. Чтобы влюбленность не пропала. Но я осторожна и никогда не позволю его чувствам перерасти в нечто такое, что потребует от меня взаимности. Сейчас все именно так, как мне нравится. Дэвид подходит, мы обмениваемся взглядами, и, не говоря ни слова, он отпивает у меня виски с колой через мою соломинку. Я делаю жест Сиду, бармену, чтобы он повторил.

Мы с Дэвидом стоим слишком близко друг к другу и сплетничаем. Мы словно заключены в большой пузырь, в нем безопасно, и мы используем наше ощущение безопасности, чтобы срывать маски с других. Дэвид делает вид, будто не замечает Лукаса; мне непонятно, из вежливости или это оборонительная позиция.

Лукас же сейчас представляет собой обворожительное зрелище. Его галстук наполовину развязан, одна из средних пуговиц на рубашке расстегнута, пиджак он засунул в какую-то из кабинок, а заляпанные очки сдвинул на лоб, как солнечные. Он уже не держится на ногах и потому вынужден опираться о барную стойку. Несмотря на это, все в баре, кажется, очарованы им и любят его еще больше. Официантки, разносящие коктейли, сгрудились в углу и говорят о нем, а рука Лукаса прочно прилепилась к колену чьей-то девушки. И никто, по всей видимости, не возражает.

Когда я подхожу к нему, он убирает руку с девичьей ноги и кладет ее на свое колено.

– Делай вид, что любишь меня, говнюк, – улыбаюсь я.

– Я и на самом деле тебя люблю, грязная шлюха, – отвечает Лукас, и еще неизвестно, шутит он или нет. – Но я устал, впереди длинная неделя, и поэтому я иду домой. – Он берет в охапку пальто и устраивает настоящий цирк из поисков пиджака. Естественно, он его не находит. – Слушай, если увидишь мой пиджак, захвати его домой, ладно? У меня сейчас нет времени все тут обшаривать.

– Нет проблем, – легко обещаю я и прячу в кулаке зажигалку и сигарету, как будто вовсе и не собиралась тоже выйти на улицу. Если я дам ему спокойно уйти, то уберегу себя от очередной пьяной ссоры с рукоприкладством.

– Тебе не обязательно идти со мной. Я и сам нормально доберусь, – бормочет Лукас, и я искоса бросаю взгляд на девушку, чьи коленки он лапал. Мы тепло прощаемся, с крепкими объятиями и нежными поцелуями напоказ, и Лукас, не позаботившись о том, чтобы оплатить счет, вываливается наружу. Я прикидываюсь, что не замечаю, как «коленки» выходят вслед за ним.

– Ничего, если я тоже пойду? – говорит Дэвид. Он тоже прикидывается, будто ничего не видел.

– Да, конечно. Я и сама скоро отсюда отчалю, наверное. Выпью еще рюмку-другую, и все.

Он натягивает пальто, оставляет на стойке пятьдесят долларов и обнимает меня на прощание.

– Увидимся в понедельник. Но если вдруг случится какая-нибудь неприятность, обязательно мне звони, ладно?

– Спасибо, Дэвид. Да, увидимся в понедельник. Счастливо тебе доехать.

Теперь, когда и Дэвид, и Лукас ушли, я могу всецело обратить свое внимание на Эй Джея. Он сидит в кабинке с какими-то людьми, которые мне не знакомы, но по взглядам, что он на меня кидает, я понимаю, что мы оба ждем этого момента – когда можно будет без опасений сбежать в другую комнату, в другой мир, в другую вселенную, где мы обнимемся, обовьемся друг вокруг друга, и нас не будет беспокоить, что думают другие, что они видят... и в то же время нам обоим известно, что такой момент никогда не наступит. Так что мы вынуждены жить как бы между строчками. Нам нужно оказаться где-то... где можно идти рядом при свете дня и не слышать чужих голосов. Он это знает, я это знаю, однако мы оба молчим, потому что сказать здесь нечего.

Это все тот же бар, куда мы постоянно ходим, но почему-то стены кажутся мне новыми. Все вокруг нас как будто бы ярче. Дерзкие и забавные высказывания, написанные мелом на черной доске над баром, смешнее. Музыка свежее – словно это не те самые песни, что я регулярно слушаю последние два месяца. Есть что-то волшебное в том, как он смотрит на меня. Это разрушает все стены, что я так старательно возводила много лет, чтобы отгородиться от людей.

Теперь он стоит возле будки диджея и о чем-то его просит. И показывает на меня. Я – в другом конце бара; стараюсь держаться как можно дальше от него. Он замечает это и видит меня, и диджей ставит мою любимую песню, а он произносит одними губами: «Это для тебя». Я киваю, как будто в этом нет ничего особенного, но вся моя жизнь взрывается, и единственное, о чем я в состоянии думать, – это как я хочу провалиться в кроличью нору вместе с парнем, даже имени которого я не знаю. Полного имени.

Никто не обращает на нас внимания, и он приближается ко мне и прижимает к себе, и я утыкаюсь лицом ему в шею – это самое надежное и самое опасное место на свете, и он говорит: «Ты мне нравишься... это больше, чем секс». Я смеюсь, хохочу во все горло, потому что все, что я могу, – смеяться над этим, а потом снова зарываюсь лицом в его шею. Он пахнет мужчиной и шепчет, что хочет увести меня отсюда, и снова спрашивает, почему я встречаюсь с кем-то другим, а я шепчу в ответ: «Разве я встречаюсь с кем-то другим?» Он говорит, что знает – у меня есть бойфренд, и я отвечаю: «Это потому, что я не встретила тебя первым», и теперь смеется уже он и еще теснее прижимает меня к своей груди.

Когда я вдыхаю его запах, новая жизнь проносится у меня перед глазами, но он вдруг отстраняется и идет в туалет. Я оглядываюсь – не видит ли кто, – но ни один человек не замечает, что бар пронзила молния, и выхожу вслед за ним. Он в туалетной кабинке. Я останавливаюсь у раковины, мою руки и жду, когда он выйдет, но делаю вид, что это не так.

Он появляется. Кажется, он не ожидал увидеть меня здесь. Как ни в чем не бывало он тоже подходит к раковине и ополаскивает руки, искоса поглядывая на меня. Я веду себя совершенно естественно, как будто не притащилась в туалет ради него, и он направляется к двери впереди меня. Все, шанс потерян, думаю я и тоже направляюсь к двери. И в тот самый момент, когда я уже почти вышла, он вдруг поворачивает назад, хватая меня за руку и втягивает обратно. В туалете горит свет, но он поворачивает выключатель и целует меня, и в моей жизни начинается пожар.

Он обнимает меня одной рукой, а другой придерживает дверь, чтобы никто не вошел. Я запускаю пальцы в его волосы, а потом глажу его по спине, спускаясь все ниже, к ягодицам, и чувствую, как его твердый член утыкается мне в ремень. И мечтаю о том, чтобы мир тоже выключился, как свет, и я могла бы зависнуть здесь до тех пор, пока моя вечная боль не прекратится.

Он отрывается от моих губ, берет за подбородок и говорит:

– Посмотри на меня.

Я окунаюсь в серую бездну его глаз. Атмосфера так накалена, что мне кажется – сейчас я растаю и растекусь прямо у его ног лужицей чистого секса.

– Ты такая красивая, – выдыхает он и целует меня снова, и я все-таки растекаюсь.

Мне плевать на Лукаса, постройте передо мной ряд мужчин – и я не смогла бы узнать его среди прочих. Мы яростно занимаемся сексом, и я хочу остаться, остаться, остаться...

А потом все заканчивается.

Он выглядывает наружу и, когда берег наконец чист, посылает меня вперед. Никто так ничего и не заметил, а я собираюсь хранить эту тайну, словно код от ядерного чемоданчика. Он прощается с нашими общими знакомыми, потом целует меня на глазах у всех, но опять же никому нет до этого дела. После этого он уходит в ночь.

29 ноября, 9:11

Я еще не успеваю как следует усесться в кресло и откопать в сумке болеутоляющее, как раздается негромкий, размеренный, но крайне настойчивый стук в дверь. Очень характерный звук; он хорошо мне знаком. Это может быть только Эдди. Только он так стучит. Мне и еще Дэвиду. Я слышу, как он шаркает ногами, переходя от моей двери к его, и стучит то туда, то сюда. Обычно он ждет нас у выхода из конференц-зала после утренних совещаний, а потом увязывается за мной или Дэвидом и задает вопросы. Если он почему-то упускает эту возможность, то занимает пост у наших дверей и стучится к нам по очереди, до тех пор, пока кто-то из нас не выходит по делам или открывает дверь, чтобы впустить кого-то еще. Или иногда мы не выдерживаем и все же открываем ему.

– Сэээээээээм, Дээээээвиинид. – Речь Эдди звучит как одно длинное слово без пауз. В конце каждого предложения он повышает интонацию, так что оно всегда кажется вопросом, а еще он умудряется бубнить, как пьяный, заплетающимся языком, но при этом все абсолютно четко различимо. Эдди – не мой пациент, и не Дэвида тоже. С ним работает Гэри, но он очень привязался ко мне и к Дэвиду. Почему именно к нам – я не знаю. Может быть, причина совсем проста – наши офисы рядом и расположены близко к компьютерной комнате, например. Шаркающие шаги за дверью продолжаются.

– Сэээээээм... Я-знаю-что-ты-там... пожалуйста-открой-это-я-Эдди...

Его голос похож на свист воздуха, выходящего из сдувающейся шины. Я беру трубку офисного телефона, подношу ее к уху и очень деловым тоном начинаю говорить что-то вроде «да-да» и «конечно». Нацепив очки, чуть приоткрываю дверь и выглядываю наружу, как будто только сейчас услышала Эдди. Эдди принимает это за приглашение и уже просовывает в щель ногу, обутую в грязную кроссовку без шнурков.

– Я разговариваю по телефону, давай позже, – произношу я одними губами в надежде, что этого будет достаточно. Но я ошибаюсь.

– Нееееееет, Ссссээээээээмммм... я-пришел-поговорить – с-тобой-мне-надо... – Он упирается ладонями в дверь и толкает ее, но не очень сильно.

Я нарочито прикрываю трубку рукой и говорю:

– Я знаю, Эдди, и тоже хочу с тобой поговорить, но это очень важный звонок. Нам придется побеседовать позже.

– Ооо`ккккеееей... через-час?

Я киваю и закрываю дверь. Когда Эдди вернется через час, я ему не открою. Мне очень хотелось бы найти в себе силы и энергию, чтобы дать Эдди то, что ему нужно, но сегодня это просто невозможно. Сегодня утром я не стала заморачиваться и мыть голову, к тому же проснулась я с окровавленным пластырем в виде бабочки в волосах, так что мне пришлось скрутить их в аккуратный пучок, чтобы прикрыть его. Я снимаю очки, кладу телефон на стол и думаю, сколько еще я смогу все это выдерживать.

Эдди живет в «Туфлосе» уже бог знает сколько лет. За те шесть, что я здесь работаю, его, кажется, раза три забирали от нас и помещали в отделение скорой психиатрической помощи. Каждый раз – из-за попытки или угрозы суицида. Это одна из самых трудных вещей в нашей профессии; предполагается, что мы должны уметь отличить серьезную угрозу самоубийства (или соответствующее поведение, или даже замечание) от несерьезного и действовать соответствующим образом. Но когда твои пациенты часами пилят запястья скрепками, пока не появятся крошечные красные капельки крови, и почти каждый заявляет нечто вроде «Если мне не дадут апельсиновый сок, я покончу с собой», сделать это довольно сложно.

После того как Эдди увезли в третий раз, месяца четыре назад, наше утреннее совещание Рэйчел решила посвятить его случаю. Я помню, как обильно потел Гэри все время, пока мы

сидели в конференц-зале. Он то и дело прикладывался к банке с вишневым «Гаторейдом», и над его верхней губой алел мокрый полукруг. Гэри дико боялся, что кто-нибудь подаст на него в суд, если Эдди удачно завершит очередную попытку самоубийства. Стараясь как-то защитить себя, он тщательнейшим образом прошерстил все планы лечения, достигнутые результаты, оценки психологического состояния и проверил, не совершил ли где ошибку. Он даже проверил все бумаги на предмет опечаток и оставленных кофейных пятен и несколько раз отксерил все документы, пока наконец история болезни Эдди не показалась ему идеальной – то есть такой, что никто, прочитав ее, не сумел бы ни в чем обвинить лечащего врача, а именно Гэри. Но у Эдди не было семьи, так что сама мысль, что кто-то решит засудить Гэри в случае суицида Эдди, представлялась просто смешной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.